

A woman with red hair is sitting on a rocky shore, looking out at the ocean. The water is turbulent and white with foam. The scene is captured from an overhead perspective.

НОРА РОБЕРТС

ОСТРОВ СПОКОЙСТВИЯ

Саспенс, романтика, исследование семейных уз
и дружбы – все, что любят фанаты творчества Робертс.

BOOKLIST

Нора Робертс

Остров спокойствия

Серия «Блистательная Нора Робертс»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64853262

Остров спокойствия: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-118417-9

Аннотация

Это был обычный вечер в торговом центре на окраине Портленда. Трое подростков ждали начала фильма. Парень флиртовал с продавщицей солнцезащитных очков. Менеджер магазина видеоигр любезничал с покупателями. А потом появились стрелки.

Кровавая бойня длилась восемь минут, которые для многих превратились в вечность. Следующие несколько лет пострадавшие и очевидцы будут учиться жить заново, обращаясь к ужасным воспоминаниям прошлого. Но как найти свой личный островок спокойствия, если человек из прошлого хочет мести?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	50
Глава 4	71
Глава 5	93
Глава 6	112
Глава 7	135
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Нора Робертс

Остров спокойствия

Памяти моей бабушки с ярко-рыжими волосами

Nora Roberts

SHELTER IN PLACE

Copyright © Nora Roberts, 2018

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Шаутидзе Л., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Утрачена невинность

Никакое принятие вины не может восполнить утраты того прочного внутреннего комфорта разума, что является верным спутником невинности и добродетели; ни в малейшей степени не может оно уравновесить зло того ужаса и беспокойства, которое вина поселяет в наши сердца.

Генри Филдинг

Глава 1

В пятницу, 22 июля 2005 года, Симона Нокс купила большую «фанту» – оранжевую, под цвет попкорна и мармеладок. Этот выбор – стандартный заказ в кинотеатре – изменил ее жизнь. Может быть, даже спас. И все же она никогда больше не пила «фанту».

Хотя в тот момент она хотела только сесть в темноте кинозала с двумя своими «лучшими подругами навсегда» и обо всем позабыть. Потому что ее жизнь – сейчас, и уж точно на всю оставшуюся часть лета, а возможно, и на веки вечные – была бесконечно ужасна.

Мальчик, которого она любила, с которым она встречалась уже семь месяцев, две недели и четыре дня и с которым она собиралась встречаться все старшие классы – рука об руку, сердце к сердцу, ее бросил.

И сделал это, прислав эсэмэску.

Больше не хочу тратить время, я должен быть с кем-то, кто готов быть со мной, а это не ты, так что между нами все кончено, пока.

Наверняка произошло какое-то недоразумение! Она пыталась ему позвонить. Он не отвечал. Унижаясь, она отправила ему три эсэмэски.

Потом зашла на его страницу в «МайСпейс».

«Унижение» – слишком слабое слово для описания того,

что она испытала.

Сменил старую ДЕФЕКТИВНУЮ модель на красивую новую.

Прощай, Симона! Привет, Тиффани!

Расстался с ЛОХУШКОЙ, буду встречаться все лето и всю старшую школу с самой красивой девчонкой в классе 2006 года.

Его пост – с фотографиями – уже собрал кучу комментов. Симона догадалась, что он специально подговорил друзей писать о ней гадкие, злые слова, но это не уменьшило ни боли, ни обиды.

Она горевала несколько дней. Впитывала утешение и праведный гнев двух своих лучших подруг. Злилась на младшую сестру за насмешки, заставляла себя ходить на летнюю подработку и еженедельные уроки тенниса, на которых настаивала мать.

Симона хмыкнула, прочитав СМС от бабушки. Сиси умеет быть в курсе последних событий, даже если медитирует с далай-ламой в Тибете, отрывается под «Роллинг-Стоунз» в Лондоне или рисует в своей студии на острове Спокойствия.

Сейчас ты испытываешь настоящую боль, поэтому обнимаю тебя, мое сокровище. Пройдет пара недель, и ты поймешь, что это просто очередной урод. Хвост пистолетом, и Намастэ.

Симона не считала Трента мудаком (впрочем, и Тиш, и

Ми согласились с Сиси). Хотя он и отшвырнул ее в сторону – причем самым подлым способом – только потому, что она не согласилась сделать с ним «это». Да, она не готова. К тому же вон Тиш сделала «это» со своим бывшим парнем после выпускного – и еще два раза потом, – а он все равно ее бросил.

К сожалению, она любила Трента и знала всем своим отчаянным шестнадцатилетним сердцем, что никогда больше никого не полюбит. Никогда. Она вырвала из дневника страницы, на которых писала свои будущие имена – миссис Трент Вулворт, Симона Нокс-Вулворт, С. Н. Вулворт, разорвала листки в клочья, а затем сожгла и обрывки, и все его фотографии на костре, устроенном во дворе ее подругами в рамках «церемонии поднятия силы духа». И все равно продолжала его любить.

Однако, как сказала Ми, надо жить, и она позволила подругам завлечь ее в кино.

К тому же Симоне надоело тосковать в одиночестве и совсем не хотелось идти по магазинам с матерью и младшей сестрой, так что кино победило.

Ми тоже победила: была ее очередь выбирать. Поэтому Симоне предстояло смотреть какой-то фантастический фильм под названием «Остров».

Тиш против выбора не возражала. Как будущая актриса она считала, что смотреть все фильмы и пьесы ее обязанность, вроде подготовки к карьере. Вдобавок актер Юэн Макгрегор входил в пятерку лучших кинобойфрендов.

– Пошли, зайдем хорошие места, – сказала Ми. Маленькая, с аккуратной фигуркой, темными драматичными глазами и густой копной черных волос, Ми взяла с прилавка попкорн – с настоящим сливочным маслом – стакан с напитком и арахисовые «M&M's». В мае ей исполнилось семнадцать, она время от времени ходила на свидания, однако в настоящее время предпочитала мальчишкам науку. Ми никто не считал «ботаничкой» только благодаря ее мастерству гимнастики и прочной позиции в отряде чирлидерш. Этим отрядом, к сожалению, командовала Тиффани Брайс, шлюха и воровка парней.

– Мне нужно в туалет. – Тиш вручила подругам свой попкорн с двойным поддельным маслом, кока-колу и коробочку мятных драже. – Я вас найду.

– Не возись там с лицом и волосами, – предупредила ее Ми. – Все равно никто тебя не увидит, как только начнется фильм.

«Тем более идеал не улучшить», – отметила про себя Симона, направляясь ко входу в один из трех кинозалов торгового центра «Даун-Ист». Волосы у Тиш длинные, шелковистые, каштанового цвета, с профессионально выкрашенными золотыми бликами – потому что ее мать, в отличие от некоторых, не застряла навсегда в тысяча девятьсот девяносто пятом году. А очаровательные ямочки на щеках украшали классический овал лица, и Тиш всегда находила повод улыбнуться.

«Была бы я такая же высокая и красивая, с такими ярко-голубые глазами и кокетливыми ямочками, – думала Симона, – я бы тоже, наверное, всегда улыбалась».

Родители Тиш еще и поддерживали ее желание стать актрисой. Тиш, по мнению Симоны, сорвала джекпот: внешность, характер, мозги, плюс родители, которые по-настоящему умели понимать.

Но Симона все равно любила Тиш.

У них троих уже были планы, пока секретные – родители Симоны этого еще не знали, – провести лето после выпускного в Нью-Йорке.

Может, они даже туда насовсем переедут. Наверняка там веселей, чем в Рокпойнте, штат Мэн.

Да в песчаных дюнах Сахары наверняка веселей, чем в Рокпойнте, штат Мэн!

А Нью-Йорк? Яркие огни, толпы людей... Свобода!

Ми будет учиться на доктора в Колумбийском университете, Тиш будет учиться актерскому мастерству и ходить на прослушивания. А она... она тоже может на кого-нибудь учиться.

Только не на юриста, как хотят ее ничего не понимающие родители. Скучно и слишком уж по стандарту – потому что ее отец известный адвокат.

Уорд Нокс огорчится, но так уж тому и быть.

Может, она решит изучать искусство и станет художницей, как Сиси. Вот родители взбесятся! И она будет так же,

как Сиси, часто заводить и бросать любовников (когда будет к этому готова).

И Трент Вулворт еще пожалеет.

– Выходи, – приказала Ми, толкнув ее локтем.

– Куда? Я здесь.

– Нет, ты в «зоне мрака Симоны». Выходи, присоединяйся к миру.

А может, ей нравится быть в зоне мрака...

– Придется открыть дверь силой разума, потому что руки у меня заняты. Ладно, готово. Я вернулась.

– Разум Симоны Нокс – это потрясающая сила.

– Нужно использовать его только для хороших дел, чтобы не превратить Тиффани в лужу слизи.

– Не стоит напрягаться. Ее мозги и так лужа слизи.

«Друзья, – подумала Симона, – всегда знают, что сказать».

Она выйдет из «зоны мрака» и воссоединится с Ми и Тиш, когда Тиш перестанет возиться со своими и без того прекрасными лицом и волосами.

Был вечер пятницы, поэтому зал кинотеатра уже заполнился посетителями почти наполовину.

Ми выбрала три места в самом центре и села на третьем от прохода сиденье, чтобы Симона, которую все еще нужно было опекать, села между ней и Тиш – длинные ноги Тиш заслуживали места возле прохода.

Ми поерзала в кресле. Она уже подсчитала, что до момента, когда погасят свет, осталось всего шесть минут.

– Завтра вечером ты идешь на вечеринку Элли.

«Зона мрака» снова поманила к себе.

– Я не готова к вечеринкам. И потом, ты же знаешь, там будет Трент со своей шлюхой Тиффани.

– В том-то и дело, Сим. Если не пойдешь, все будут думать, что ты прячешься и страдаешь.

– Так и есть.

– Нельзя доставлять ему такое удовольствие! – настаивала Ми. – Ты идешь с нами. Тиш придет со Скоттом, он клевый. Наденешь что-нибудь потрясающее, а Тиш тебя накрасит, она лучше всех это делает. И ты будешь такая: «Кто? Он? А, я про него уже давно забыла».

Симона взгляделась в свою «зону мрака».

– Вряд ли у меня получится. Актриса у нас Тиш, а не я.

– Ты же играла Бетти Риццо в «Бриолине» в школьной постановке! Тиш была изумительной Сэнди, но ты была не менее изумительной Риццо.

– Потому что я брала уроки танцев и немножко умею петь.

– Ты великолепно поешь и отлично играла. Будь как Риццо на вечеринке Элли – ну, такая уверенная, сексуальная и пошли вы все.

– Не знаю, Ми...

Впрочем, Симона уже представила себе, как это будет. И как Трент, увидев ее уверенной, сексуальной и пошли вы все, снова ее захочет.

Тут примчалась Тиш, упала в кресло и схватила Симону

за руку.

– Сохраняй спокойствие!

– А что я... О, нет! Только не это.

– Шлюха наносит свежий блеск на свои губки, а мудака топчетя у двери дамского туалета, как преданный песик.

– Вот черт! – Ми сжала пальцами руку Симоны. – Может, они идут на другой фильм.

– Нет, они наверняка придут сюда, таково уж мое везение.

– Только не смей уходить. – Ми сжала ее руку крепче. – Он это увидит, и ты будешь чувствовать себя неудачницей. Ты не неудачница. Это твоя генеральная репетиция для вечеринки Элли.

– Она идет с нами? – Тиш сверкнула ямочками на щеках. – Ты ее уговорила?

– Уговариваю. – Ми скосила глаза на дверь. – Так, они входят. Сиди на месте, – прошипела она, когда рука Симоны задрожала под ее пальцами. – Ты их даже не замечаешь. Мы с тобой.

– Мы с тобой здесь, сейчас и всегда, – эхом откликнулась Тиш, сжимая другую руку Симоне. – Мы – стена презрения. Поняла?

Они шли по проходу: блондинка с кудряшками в рваных джинсах и прекрасный мальчик – статный, красивый, кво-тербэк команды-чемпиона «Дикие коты».

Трент одарил Симону улыбкой, которая когда-то растопила ее сердце, и, демонстративно проведя рукой по спине

Тиффани, задержал ее на обтянутой джинсами заднице. Он что-то прошептал Тиффани на ухо, и та, обернувшись, посмотрела в их сторону. Ухмыльнулась своими идеальными подкрашенными губками.

Разбитое сердце – да, ощущение пустоты жизни – да, но в Симоне было слишком много от бабушки, чтобы принять такое оскорбление.

Она усмехнулась в ответ и показала средний палец.

Ми хихикнула.

– Так им, Риццо!

Трент и Тиффани сели через три ряда впереди и сразу же начали целоваться.

– Все мужики хотят секса, – со знающим видом заметила Тиш. – Но если это все, чего они хотят, то ну их к черту.

– Мы лучше, чем она. – Ми передала Тиш ее конфеты и колу. – Потому что, кроме секса, ей нечего предложить.

– Ты права. – В глазах немножко щипало, однако в груди стало горячо, и это тепло ощущалось как исцеление. Симона передала Тиш ее попкорн. – Я пойду на вечеринку Элли.

Тиш рассмеялась – намеренно громко. Достаточно громко, чтобы Тиффани вздрогнула.

– Устроим им кипиш! – сказала Тиш, улыбаясь Симоне.

Симона зажала стакан с попкорном между ног, чтобы взяться с подругами за руки.

– Девчонки, я вас люблю.

К тому времени, как закончились анонсы, Симона пере-

стала смотреть на силуэты тремя рядами ниже. Почти. Она собиралась – даже планировала – весь фильм предаваться страданиям, но сюжет ее захватил. Эван Макгрегор и правда был душкой, и ей понравилась сильная и смелая героиня Скарлетт Йоханссон.

Через пятнадцать минут она поняла, что зря не сходила в туалет вместе с Тиш – хотя было бы катастрофой встретить красящую там губы Тиффани, – или нужно было пить поменьше «фанты».

Через двадцать минут пришлось сдаться.

– Мне нужно в туалет, – прошептала Симона.

– Ну вот! – прошептала в ответ Ми.

– Я быстро.

– Пойти с тобой?

Она помотала головой, отдала Тиш остатки своего попкорна и «фанты», быстро прошла вверх по проходу, свернула направо к дамскому туалету и толкнула дверь.

Пусто, не надо стоять в очереди. С облегчением она забежала в кабинку и, пока писала, думала о том, что неплохо справилась с ситуацией. Возможно, Сиси права. Возможно, она уже близка к пониманию, что Трент – мудака.

Но он такой милый, и у него такая улыбка, и...

– Не важно, – пробормотала Симона. – Мудаки тоже бывают милыми.

И все же она продолжала об этом думать, пока мыла руки, разглядывая себя в зеркале над раковиной.

У нее нет длинных светлых кудрей Тиффани, ярко-голубых глаз или потрясающей фигуры. Насколько она могла судить, ее внешность была самой средней. И средне-каштановые волосы, которые мать не позволяла покрасить.

Ну, ничего, вот исполнится ей восемнадцать, и она сможет делать со своими волосами все, что захочет. Жаль только, что собрала их сегодня вечером в хвостик – совсем по-детски. Пожалуй, она сделает короткую стрижку. И панковский «ежик».

Рот у нее широковат, хоть Тиш и говорит, что это сексуально, как у Джулии Робертс.

Карие глаза не такие глубокие и драматичные, как у Ми, а просто коричневые, как дурацкие волосы. Конечно, Тиш не была бы Тиш, если бы не сказала, что они «янтарные».

Но это просто красивое слово, означающее тот же «коричневый».

Ничего. Пусть у нее средняя внешность, зато она не фальшивка, как Тиффани, обесцвеченные волосы которой тоже на самом деле коричневые.

– Я не фальшивка, – сказала она зеркалу. – Трент Вулворт – мудака. А Тиффани Брайс – грязная шлюха. Пусть оба каются в ад.

С решительным кивком Симона высоко подняла голову и вышла из туалета.

Она подумала, что крики и громкие хлопки – петарды? – звучат в фильме. И кляня себя за то, что пропускает важную

сцену, зашагала быстрее.

Дверь кинозала распахнулась. Мужчина с дико вытаращенными глазами сделал один неверный шаг и тут же упал лицом вперед.

Кровь? Это кровь? Руки мужчины вцепились в зеленый ковер, на котором расплывалось красное пятно, и замерли.

Вспышки. Симона увидела через приоткрытую дверь вспышки. Выстрелы, крики. И люди – их тени и силуэты – падали, бежали, падали.

И фигура, темная на темном, методично шагала вверх по рядам.

Застыв на месте, она смотрела, как фигура повернулась и выстрелила бегущей женщине в спину.

Она не могла дышать. Если бы не перехватило дыхание, она бы завизжала.

Часть ее мозга отвергала то, что она видела. Это не могло быть по-настоящему. Это, наверное, как в кино. Понарошку.

Но инстинкт заставил ее кинуться обратно в туалет. Захлопнув дверь, Симона опустилась на пол.

Онемевшие руки нащупали сумочку, нащупали в сумочке телефон.

Отец настоял на том, чтобы «девять-один-один» был вбит в память ее телефона на первой кнопке.

Перед глазами плыло.

– Девять-один-один. Какая у вас чрезвычайная ситуация?

– Он их убивает. Он их убивает. Помогите! Моих подруг.

О Боже! О Боже! Он стреляет в людей!

Рид Квотермейн ненавидел работать в выходные. Еще он ненавидел работать в торговом центре. Однако осенью он хотел вернуться в колледж, а учеба в колледже включала маленькую деталь под названием «плата». Плюс учебники, жилье, еда – вот и приходится работать в выходные в торговом центре.

Его родители покрывали большую часть платы за учебу, но им было не по силам нести на себе все расходы. Тем более что на будущий год поступает сестра, а брат уже на третьем курсе Американского университета в штате Колумбия.

Нельзя обслуживать столики до конца жизни, поэтому – колледж.

И может быть, он в конце концов поймет, чем, черт возьми, он хотел бы заниматься до конца своей жизни.

Однако в летние каникулы Рид обслуживал столики и пытался смотреть на жизнь с оптимизмом.

Посетителей было много, и чаевые неплохие. Работа в «Манджи» пять вечеров в неделю и двойная смена по субботам сводила на нет его личную жизнь, зато по крайней мере он хорошо питался.

Большие миски пасты, круги пиццы, здоровенные куски тирамису не прибавили Риду много веса. Отец когда-то надеялся, что средний сын, как и старший, пойдет по его стопам футбольной звезды. Но полное отсутствие футбольных талантов и долговязая фигура разбили эти мечты. Зато длин-

ные ноги и выносливость сделали Рида почти звездой на студенческой беговой дорожке. А потом внимание отца отвлекла на себя сестра, проявившая бешеный талант на футбольном поле.

Рид поставил на столик четыре закуски – овощной салат для матери, ньокки для отца, палочки из моцареллы для мальчика и обжаренные равиоли для девушки.

Он слегка пофлиртовал с девушкой, которая застенчиво ему улыбнулась. Совсем слегка. Потому что ей, наверное, лет четырнадцать, и для студента уже почти второго курса колледжа она не может представлять никакого интереса.

Ему без труда давался флирт с юными девушками, дамами преклонного возраста и вообще со всеми женщинами. Чаевые были очень нужны, и за четыре лета работы официантом он отточил свое обаяние.

Рид осмотрел свои столики: семьи, несколько пожилых пар, парочки на свиданиях – вероятно, кино и ужин. Это напомнило ему, что он собирался предложить Чазу, помощнику менеджера в «Гейм-стоп», после смены сходить на «Остров».

– Дори, возьми мои столики на десять минут.

Старшая официантка оглядела его секцию и кивнула.

Он вышел из двойных стеклянных дверей в хаос пятничного вечера. Подумал, не написать ли Чазу эсэмэску и пойти перекусить на кухне, но ему захотелось хоть ненадолго сменить обстановку. Кроме того, по пятницам в киоске «Ве-

село Солнце» работает Энджи. Сейчас она вроде ни с кем не встречается. Можно попытаться счастья и пригласить ее на свидание, тем более что рабочие графики у них совпадают.

Рид быстро шел на своих длинных ногах сквозь толпы покупателей и стайки подростков – девчонок и мальчишек, огибая мам с колясками, обходя едва научившихся ходить малышей, под непрестанную музыку, которую он давно перестал замечать. От итальянской половины его матери, Дори, ему достались оливковая кожа и черные волосы. Увидев Энджи возле киоска, он замедлил шаг, сунул руки в карманы брюк – придал себе безразличный вид.

– Привет. Как делишки?

Она сверкнула быстрой улыбкой, закатила красивые карие глаза.

– Народищу! Все собираются на пляж, кроме меня.

– И меня. – Рид облокотился о витрину с солнцезащитными очками, надеясь, что выглядит неплохо в белой рубашке с черным жилетом и брюками. – Хочу пойти сегодня на «Остров», там последний сеанс в десять сорок пять. Это почти как поход на пляж, верно? Хочешь со мной?

– Ой... не знаю. – Она провела рукой по светлым волосам, контрастировавшим с золотистым загаром – вероятно, результат лосьона для автозагара из соседнего киоска. – Вообще, я хотела его посмотреть.

Возникла надежда, и Чаз был немедленно вычеркнут из списка.

– Надо же и отдохнуть от работы, правда?

– Да, но... Я вроде как пообещала Мисти погулять с ней после закрытия.

Чаз вернулся в список.

– Ладно. Я как раз шел спросить Чаза, не хочет ли он пойти. Пошли все вместе.

– Возможно. – Энджи опять сверкнула улыбкой. – Да, возможно. Я ее спрошу.

– Отлично. Я иду к Чазу. – Он подвинулся, уступая место женщине, терпеливо ожидающей, пока ее дочь-подросток перемеряет все полмиллиона пар темных очков. – Напиши мне, что вы решите.

– А можно мне две пары? – спросила девочка у матери, красуясь перед зеркалом в очках с голубыми линзами. – Чтобы у меня были запасные.

– Одни, Натали. Это и есть твои запасные.

– Я напишу тебе, – шепнула Энджи и переключилась в рабочий режим. – Эти очки смотрятся на вас просто круто!

Рид развернулся и быстро зашагал прочь – его перерыв подходил к концу.

– Правда? – услышал он за спиной голос девочки.

– Точно! – ответил ей голос Энджи.

«Гейм-стоп», как всегда, был битком набит гиками и ботаниками. Более юных из гиков и ботаников родители с остекленевшими глазами пытались вытащить из магазина. На мониторах компьютеров и настенных экранах демонстрирова-

лись видеоигры.

Чаз, король ботаников, объяснял какую-то игру ничего не понимающей женщине.

– Если он увлекается военными играми, стратегиями и аркадными играми, ему эта игра понравится. – Чаз поправил на носу очки с толстыми линзами. – Она только пару недель как вышла.

– Она такая... жестокая. Она подходит для детей?

– Шестнадцатый день рождения, вы сказали. – Чаз быстро кивнул Риду. – И ему нравится серия «Сплинтер Целл»... Если он справляется с той, справится и с этой.

– Что ж, – вздохнула женщина, – наверное, мальчики всегда будут играть в войну. Я возьму ее, спасибо.

– Вас вызовут к кассе. Спасибо за покупку в «Гейм-стоп».

– Некогда болтать, чувак, – сказал Чез другу, когда клиентка ушла. – Завал.

– Тридцать секунд. «Остров», последний сеанс.

– Я в деле. Клоны!

– Заметано. У меня Энджи на крючке, но она хочет притащить Мисти.

– Ну, это... я...

– Не подведи меня, чувак. У меня с ней почти как свидание.

– Да, но Мисти меня немного пугает. И... мне придется платить за ее билет?

– Я пытаюсь превратить это в свидание. Для меня, не для

тебя. Клоны! – напомнил он Чазу.

– Ладно, давай. Черт, я не рассчитывал на...

– Отлично, – сказал Рид, пока Чаз не передумал. – Куплю билеты. Встретимся там.

Он выбежал. Получилось! Дружеский поход в кино всей компанией проложит путь для свидания один на один, а это откроет дверь для возможности чуть-чуть потискаться.

Было бы здорово... Но сейчас у него всего три минуты, чтобы вернуться в «Манже», иначе Дори поджарит его задницу.

Рид спешил в сторону ресторана, когда услышал звуки не то петард, не то выстрелов. Как в стрелялках в «Гейм-стопе». Больше озадаченный, чем встревоженный, он оглянулся.

Затем услышал крики. И топот.

Не сзади, понял он, впереди. Топот создавали десятки бегущих ног. Рид отскочил с дороги, увидев мчащуюся на него женщину с коляской, в которой вопил младенец.

Это что – кровь у нее на лице?

– Что за...

Она бежала мимо, широко раскрыв рот в немом крике.

За ней катилась лавина. Люди спотыкались, наступали на брошенные сумки и пакеты. Некоторые падали, и тогда другие наступали на них. Какой-то мужчина растянулся на полу, его очки слетели с лица и были немедленно растоптаны. Рид схватил его за руку.

– Что происходит?

– У него винтовка. Он стреляет... стреляет...

Мужчина поднялся и, хромая, побежал дальше.

Тут Рид понял, что звуки – стрельба – раздавались не только впереди, но и за спиной. Он подумал о Чазе, в тридцати секундах сзади, и о своей ресторанной семье, в тридцати секундах впереди.

– Прячься, чувак, – пробормотал он, мысленно обращаясь к Чазу. – Найди, где спрятаться.

И побежал к ресторану.

Трескучие выстрелы звучали, казалось, со всех сторон. Стеклопанельная стена разбилась и осыпалась, женщина с окровавленной ногой пригнулась у скамейки и громко стонала. Он слышал новые крики – и, что еще хуже, он слышал, как эти крики резко обрывались.

Затем он увидел маленького мальчика в красных шортах и футболке с Элмо, ошеломленно топчущегося у «Аберкромби и Фитч». Витрина магазина взорвалась. Люди разбежались в поисках укрытия, а малыш упал и, плача, звал маму.

На том конце торгового центра он увидел стрелка – мальчика? – который хохотал и стрелял, стрелял, стрелял.

Тело лежащего мужчины дернулось, когда в него вошли пули.

Рид на бегу подхватил малыша в футболке с Элмо.

Звуки выстрелов – он никогда, никогда их не забудет – приближались. Спереди и сзади. Со всех сторон.

Ему не добежать до «Манджи» с ребенком. Продолжая

бежать, Рид повернул к киоску.

Энджи, с которой он флиртовал пять минут назад – целую жизнь назад, – лежала в луже крови. Ее красивые карие глаза смотрели прямо на него.

Малыш под мышкой завопил:

– О Боже, о Иисусе! О Боже, о Боже!

Стрельба не прекращалась и не прекращалась.

– Все в порядке, все в порядке. Как тебя зовут? Я – Рид, а ты?

– Брэди. Я хочу к мамочке!

– Хорошо, Брэди, мы ее найдем, но пока мы должны вести себя очень тихо. Брэди! Тебе сколько лет?

– Вот столько. – Он показал четыре пальчика. По его щекам катились огромные слезинки.

– Ты ведь уже большой, правда? Мы должны вести себя тихо. Тут плохие парни. Ты знаешь о плохих парнях?

Тараща на него огромные от испуга глаза и всхлипывая, Брэди кивнул.

– Мы будем сидеть тихо, чтобы плохие парни нас не нашли. А я позову хороших парней. Полицию.

Рид загородил собой тело Энджи, чтобы мальчик ее не видел, и постарался заблокировать все свои мысли о ней – о ней и о ее смерти.

Он распахнул дверь кладовки, выкинул оттуда коробки.

– Забирайся сюда, хорошо? Это как прятки. Я здесь, но ты посиди там, пока я зову хороших парней.

Он подтолкнул ребенка к кладовке, достал телефон и только тогда заметил, как сильно дрожат руки.

– Девять-один-один, какая у вас чрезвычайная ситуация?

– Торговый центр «Даун-Ист», – начал он.

– Полиция уже едет. Вы в торговом центре?

– Да. Со мной ребенок. Я спрятал его в кладовку в киоске «Веселое Солнце», солнечные очки. Энджи, девушка, которая работала здесь... Она мертва. Мертва. Боже. Их по крайней мере двое, тех, кто стреляет в людей.

– Можете назвать свое имя?

– Рид Квотермейн.

– Хорошо. Рид, вы находитесь в безопасности?

– Вы издеваетесь?!

– Простите. Вы находитесь в киоске, у вас есть укрытие.

Я советую вам не сходить с места. С вами ребенок?

– Он сказал, что его зовут Брэди, ему четыре года. Потерял свою маму. Я не знаю, она... – Рид оглянулся и увидел, что Брэди сжался в комочек. Тараща глаза, мальчик сосал большой палец. – Он, наверное, в шоке.

– Постарайтесь сохранять спокойствие и сидите тихо. Полиция уже на месте происшествия.

– Они еще стреляют. Они продолжают стрелять. Смеются. Я слышу его смех.

– Кто смеется, Рид?

– Он стрелял, стекло взорвалось, мужчина на полу, он стрелял в него и смеялся. Господи.

Донеслись крики – не вопли, а командные крики. Нечто строгое, вселяющее надежду. Снова выстрелы и...

– Прекратилось. Стрельба прекратилась.

– Оставайтесь на месте. Помощь идет.

Рид снова посмотрел на мальчика и встретил взгляд огромных глаз.

– Мамочка? – сказал малыш.

– Мы скоро ее найдем. Хорошие парни уже рядом. Сейчас они к нам придут.

Это было самое ужасное, думал он позже. Ожидание. Запах стрельбы, крики о помощи, стоны, рыдания. И кровь на его обуви, кровь девушки, которая никогда не пойдет с ним в кино.

Глава 2

22 июля в 7.25 офицер Эсси Макви завершила отчет о мелкой автомобильной аварии на стоянке торгового центра «Даун-Ист». Никаких травм, минимальный ущерб, тем не менее водитель «Лексуса» вел себя довольно агрессивно с тремя девушками-студентками в кабриолете «Мустанг».

Виновником был явно «Мустанг» – плачущая двадцатилетняя девица за рулем призналась, что выезжала с места, не посмотрев в зеркало заднего вида. Но начальственного вида мужчина в «Лексусе» и его перепуганная подруга явно приняли более одной порции алкоголя.

Эсси предоставила своему партнеру разобраться с «Лексусом», зная, что Барри заведет старую песню насчет дамочек-водителей. И обязательно проверит мужчину на алкоголь.

Она успокоила девушек, взяла их заявления и контактную информацию, выписала штраф. Потом заговорила рация.

Эсси резко обернулась к Барри, увидела по его лицу, что он тоже внимательно слушает.

– Отряд четыре-пять на месте. Мы возле кинотеатра.

Барри открыл багажник, бросил ей бронежилет. С пересохшим ртом Эсси натянула жилет и проверила оружие – она никогда не стреляла из него вне учебного полигона.

– Подкрепление будет через три минуты. Спецназ моби-

лизован. Господи, Барри.

– Скорее бы.

Она знала порядок, она проходила тренинг и никогда не думала, что эти навыки пригодятся. «Действующий стрелок» – значит, на счету каждая секунда.

Эсси побежала с Барри к широким стеклянным дверям, невольно думая о том, для чего судьба привела ее сюда с напарником именно в этот момент. Она не думала о том, вернется ли домой, чтобы покормить свою престарелую кошку, или дочитает ли книгу, которую начала.

Найти, помешать, отвлечь, нейтрализовать.

Еще до того, как они вбежали в здание, Эсси представила себе всю сцену целиком. Лобби кинотеатра выходило в главный зал торгового центра, справа билетные кассы, дальше буфет, слева коридоры, ведущие к трем кинозалам. «Десять-один-один» сообщили, что стрелок орудует в первом – самом большом из трех.

Она взгляделась сквозь стекло, вбежала. Услышала музыку, гул покупателей. Два парня из кафе ошеломленно уставились на полицейских с оружием в руках. Оба вскинули руки вверх. Один из них держал в руке большой стакан – газировка из него выплеснулась на стойку и разлетелась брызгами.

– Еще кто-нибудь здесь есть? – требовательно спросил Барри.

– Т-т-только Джули, в раздевалке.

– Иди за ней, выходите на улицу. Быстро! Беги, беги!

Парень метнулся к двери за стойкой. Другой стоял, руки вверх, все еще запинаясь:

– Что? Что?

– Беги!

Он побежал.

Эсси повернула налево, выглянула за угол, увидела тело, лежащее лицом вниз у входа, и кровавый шлейф за ним.

– Есть убитый, – сообщила она диспетчеру, продолжая идти.

Медленно, осторожно. Мимо смеха, звучащего в кинозале справа от нее, к звукам, бьющим в дверь первого кинозала.

Выстрелы, крики.

Перешагнув через тело, Эсси глянула на Барри. Он кивнул. Она мысленно скомандовала себе: начали.

Когда они открыли дверь кинозала, оттуда вырвались звуки жестокости и страха, а приглушенный свет из коридора скользнул в темноту.

Она увидела стрелка – мужчина, кевларовый жилет, шлем, очки ночного видения, штурмовая винтовка в одной руке, пистолет в другой.

В ту же секунду, когда она его увидела, он застрелил мужчину, бежавшего к боковому выходу, в спину. Затем повернул винтовку к дверям театра и открыл огонь.

Эсси нырнула за последний ряд кресел и оттуда увидела, как Барри получил удар в бронежилет, и его отбросило назад.

Не в центр тела, повторяла она себе, чувствуя, как бушует в крови адреналин, не в центр тела, потому что стрелок, как и Барри, одет в бронежилет. Она сделала три быстрых вдоха, перекатилась в проход и увидела, что он бежит по проходу прямо на нее.

Она целилась вниз – бедра, пах, ноги, лодыжки – и продолжала стрелять, даже когда он упал.

подавив инстинкт проверить напарника, Эсси подошла к стрелку.

– Стрелок ранен. – Держа его на прицеле, она выхватила пистолет из его руки и ногой отбросила в сторону винтовку. – Офицер ранен. Мой напарник ранен. Нам нужен медик. Множество жертв с огнестрельными ранениями. Нужна помощь. Нужна помощь.

– Сообщение о втором активном стрелке, возможно, двух или больше, в здании торгового центра. Вы подтверждаете, что один стрелок обезврежен?

– Он лежит. – Эсси осмотрела нижнюю часть его тела, сплошную массу крови. – Он не встанет.

Пока она это говорила, резкие вдохи стрелка прекратились.

У него был прыщ на подбородке. Она смотрела на него, пока наконец не смогла поднять голову, чтобы посмотреть, что он наделал.

Тела, распластанные в проходе, сторбленные на сиденьях, скрюченные в узких промежутках между рядами.

Ей никогда этого не забыть.

Когда команда спецназа ворвалась в двери кинозала, Эсси подняла руку:

– Офицер Макви. Стрелок нейтрализован. Мой напарник...

Пока она говорила, Барри кашлянул, застонал. Она начала подниматься с корточек – перед глазами все поплыло.

– Вы ранены, Макви?

– Нет. Нет, просто... Нет.

Преодолевая слабость, она пошла к Барри.

– Если я еще буду ныть, какие жаркие и тяжелые эти жилеты, стукни меня чем-нибудь, – прошептал он на вдохе. – Больно, как черт знает что.

Она тяжело сглотнула, взяла Барри за руку.

– Без него было бы гораздо больнее.

– Эсси, ты его сделала. Этого ублюдка.

– Да. – Ей пришлось снова с усилием сглотнуть. – Помому, он подросток, Барри. И он не один.

Появились еще полицейские и медики. Пока полицейские отряды прочесывали торговый центр в поисках остальных стрелков, Эсси вместе с Барри осматривали туалеты кинотеатра, кладовые, шкафы.

– Тебе нужна медицинская помощь, – сказала она, когда они подходили к женскому туалету.

– Схожу к ним позже. «Девять-один-один». – Он кивком указал на дверь туалета.

Эсси распахнула ее, держа оружие наготове. Мельком увидела отражение своего лица в зеркале над раковиной. Очень бледное, но все же лучше серого оттенка темно-коричневой кожи Барри.

– Это полиция! – крикнула Эсси. – Симона Нокс? Это полиция!

В ответ – только слабое эхо.

– Может, она ушла.

Двери кабинок были распахнуты, одна – едва приоткрыта.

– Симона! – подходя, повторила Эсси. – Я офицер Макви из полиции Рокпойнта. Ты в безопасности.

Она открыла дверь. Девушка сидела на сиденье унитаза, прижав руки к ушам.

– Симона, – присев на корточки, Эсси положила руку Симоне на колено. – Теперь все в порядке.

– Они кричат. Он их убивает. Тиш, Ми, мою маму, мою сестру.

– Помощь уже здесь. Мы их найдем. Пойдем с нами, хорошо? Ты умница. Сегодня вечером ты спасла многие жизни, вызвав полицию.

Симона подняла на нее взгляд – огромные карие глаза, полные слез и ужаса.

– Мой телефон сел. Я забыла его зарядить, и он сел. Поэтому я спряталась здесь.

– Хорошо, все хорошо. Теперь пойдем с нами. Я офицер Макви. Это офицер Симпсон.

– Мужчина... мужчина выбежал и упал. Кровь. Я видела... я видела... Тиш и Ми в кино. Моя мама и сестра ходили по магазинам.

– Мы их найдем.

Она обняла Симону, помогла ей подняться.

– Ты пойдешь с офицером Симпсоном. А я найду твою маму, твою сестру и друзей.

– Эсси...

– Ты ранен, Барри. Проводи ее к медикам.

Она повела девочку по коридору, мимо кинозалов. Судя по сообщениям рации, ликвидировали еще двух стрелков.

Когда Барри взял Симону за руку и повел к стеклянным дверям, к мигающим огням полицейских автомобилей и машин «Скорой помощи», Симона остановилась и посмотрела прямо в глаза Эсси.

– Тюлип и Натали Нокс. Ми-Хи Юнг и Тиш Олсен. Вы должны их найти. Пожалуйста. Пожалуйста, найдите их.

– Поняла. Найду.

Эсси пошла обратно. Она больше не слышала стрельбы, и, слава богу, кто-то наконец выключил музыку. Ее рация докладывала об осмотренных помещениях, вызовах медицинской помощи.

Она остановилась и осмотрела зал торгового центра, куда она, сколько себя помнила, ходила за покупками, прогуляться или позавтракать.

Почти в оцепенении Эсси подумала о том, что потребу-

ется много времени, чтобы увезти всех погибших, забрать раненых, получить показания от тех, кто остался невредим. Физически невредим, поправила она себя. Вряд ли хоть кто-нибудь из переживших этот вечер останется полностью невредим.

Появились медики, но слишком многим уже нельзя было помочь.

Женщина, по руке которой струилась кровь, прижимала к себе мужчину, лежащего у нее на коленях. Мужчина в футболке «Ред Сокс» лежал лицом вниз. Эсси видела серое вещество в ране на его голове. Девушка лет двадцати в фартуке, забрызганном кровью, плакала у двери в «Старбакс».

Из магазина «Гейм-стоп» осторожно выглянул молодой парень в криво сидящих очках с толстыми линзами и ошеломленно посмотрел по сторонам.

– Все кончилось? – спросил он ее. – Все закончилось?

– Вы ранены?

– Нет. Ударился локтем. Я... – Его ошеломленный взгляд скользнул по ней, по окровавленным людям, по мертвым. – О Боже, о Боже. В... в задней комнате. Я спрятал людей в задней комнате. Как нам велели делать, если... Они в задней комнате.

– Подождите минутку.

Эсси отвернулась, чтобы спросить по рации, на какой контрольный пункт вести группу.

– Как вас зовут?

– Чаз Бергман. Я сегодня дежурный менеджер.

– Хорошо, Чаз, ты молодец. Давай выведем твоих людей.

– У меня есть друг. Рид, Рид Квотермейн. Он работает в

«Манджи», в ресторане. Вы можете его найти?

– Найду. – Эсси добавила его в свой список.

– Все кончилось? – снова спросил Чаз.

– Да, – ответила она, зная, что это ложь.

Жестокость этого дня никогда для них не закончится.

Рид шел, неся на бедре Брэди, когда заметил часть персонала «Манджи». Некоторые сидели на бордюре, держась друг за друга. Рози, все еще в фартуке повара, закрыла лицо руками.

«Давай поешь пасты, – всегда говорила она ему. – Откормлю тебя, худышка».

– Ты в порядке... в порядке, – пробормотал Рид, от облегчения закрывая глаза.

Он хотел присесть рядом с ней. Она вскочила, обняла его.

– Ты не ранен?

Он покачал головой.

– Остальные в порядке?

Рози издала звук, словно что-то порвалось.

– Он пришел и... – Она замолчала, увидев малыша. – Позже поговорим. Что у нас тут за красавчик?

Не все в порядке, понял Рид.

– Мы с Брэди... подружились. Мне нужно помочь ему

найти маму.

И позвонить своей, подумал Рид. Еще раньше он отправил ей сообщение, написал: со мной все хорошо, не волнуйся. И все же следовало позвонить.

– Хорошие парни пришли, – сказал Рид.

– Да, они пришли. – Роза улыбнулась со слезами на глазах.

– Хочу к мамочке.

– Я попрошу полицейских помочь.

Рид пошел к полицейским. Он выбрал женщину, потому что подумал, что Брэди скорее пойдет с женщиной.

– Офицер, можете мне помочь? Это Брэди, и он потерял маму.

– Привет, Брэди. Как зовут твою маму?

– Мамочка.

– А как ее зовет твой папа?

– Милая.

Эсси улыбнулась.

– Наверное, у нее есть и другое имя?

– Лиза Милая.

– Хорошо, а тебя как зовут?

– Я Брэди Майкл Фостер. Мне четыре года. Мой папа пожарный, и у меня есть собака по имени Мак.

– Пожарный, а как его имя?

– Он Майкл Милый.

– Ладно. Погоди-ка минутку.

Пожарные тоже приехали на вызов. Эсси нашла одного из

них.

– Мне нужен Майкл Фостер. У меня его сын.

– Фостер – из моей бригады. У вас Брэди? Он ранен?

– Нет.

– Его мать везут в больницу. Два выстрела в спину, черт побери. Фостер сейчас ищет сына. Он не знал, что они были здесь, пока наши врачи не нашли Лизу. – Пожарный провел рукой по лицу. – Не знаю, выживет ли... Вон он идет.

Эсси увидела мужчину, быстро идущего сквозь толпу потрясенных людей. Плотного сложения, шатен, с короткой стрижкой. Вот он повернул и побежал к своему сыну.

На руках у Рида Брэди взвизгнул:

– Папа!

Майкл забрал сына у Рида, обнял, осыпал поцелуями его голову, его лицо.

– Брэди, слава богу, слава богу. Ты не ушибся? Что-нибудь болит?

– Мама упала, и я не мог ее найти. Меня нашел Рид. Он сказал, что мы должны сидеть очень тихо и ждать хороших парней. Я сидел очень тихо, даже когда он посадил меня в шкаф.

Глаза Майкла наполнились слезами, когда он встретился взглядом с Ридом.

– Ты Рид?

– Да, сэр.

Майкл вытянул руку, обнял Рида за плечи.

– Я никогда не смогу тебя отблагодарить. Мне много что нужно тебе сказать... – Он замолчал, заметив кровь на брюках и туфлях Рида. – Ты ранен!

– Нет. Вроде нет... Это не моя. Это... – Слова замерли на его губах.

– Ладно. Слушай, я должен унести отсюда Брэди. Тебе нужна помощь?

– Надо найти Чаза. Я не знаю, что с ним.

– Сейчас.

Майкл пересадил Брэди на бедро, вытащил рацию.

– Я хочу к мамочке.

– Хорошо, дружок, только сначала мы поможем Риду.

Пока Майкл говорил по радио, Рид огляделся. Столько огней, все вокруг яркое и размытое. Столько шума. Говорят, кричат, плачут. Он увидел мужчину, стонущего, истекающего кровью, на носилках, которые загружали в машину «Скорой помощи». Женщина в одном ботинке – струйка крови текла по ее лицу, – прихрамывая, ходила кругами и звала Джуди, пока кто-то в форме не увел ее прочь. Девушка с длинным хвостом каштановых волос сидела на бордюре и разговаривала с полицейским. Она все мотала и мотала головой, и ее глаза – тигрового цвета – мерцали, отражая крутящиеся огни.

Рид увидел телевизионные фургоны и еще больше мигалок за желтой полицейской лентой. За лентой толпились люди, многие выкрикивали имена. Его поразила ужасная

мысль: не все им ответят...

Внутри родилась дрожь. Дрожали желудок, кишечник, сердце. В ушах загудело, перед глазами стало темнеть.

– Эй, Рид, присядь на минутку. Я разузнаю о твоём друге.

– Нет, мне нужно... – Он увидел Чаза, выходящего с группой людей в сопровождении полицейских. – Иисусе. Иисусе. Чаз!

Он выкрикнул имя как один из тех, кто стоял за полицейской лентой, и побежал.

Симона сидела на бордюре и ждала, когда снова почувствует свои ноги. Когда вернутся чувства.

Все её тело онемело, будто кто-то вколол ей новокаин.

– Твои мама и сестра в порядке, – донеслись слова офицера Макви.

– Где они? Где они?

– Их скоро выведут. У твоей мамы мелкие травмы. Мелкие, Симона. Они спрятались в магазине, в безопасном месте. Твоя мама получила порезы от разбитого стекла и ударилась головой. Но она в полном порядке.

Симона только и могла, что кивать.

– Мама ударилась?

– Она будет в порядке. Они сидели в безопасном месте и скоро выйдут.

– Ми, Тиш?

Она сразу все поняла по тому, как офицер Макви обняла

ее за плечи. Она ничего не чувствовала, только тяжесть своих рук.

Тяжесть.

– Ми везут в больницу. О ней позаботятся, сделают все возможное.

– Ми. Он застрелил ее?

– Ее везут больницу, там уже ждут.

– Мне нужно было в туалет. Меня там не было. Я была в туалете. Тиш была там. Где Тиш?

– Нам придется подождать, пока все люди выйдут, пока все будут учтены.

– Нет-нет-нет. Они сидели рядом. Мне нужно было в туалет. Он застрелил Ми. Он застрелил ее. Тиш. Сидели вместе.

Симона посмотрела на Эсси и все поняла. И с этим пониманием она опять начала чувствовать. Чувствовать все.

Рид стиснул Чаза в крепких объятиях, и на мгновение мир вновь стал таким, каким он должен быть. Обнявшись, они стояли перед девушкой с длинным каштановым хвостом и тигровыми глазами.

Когда она испустила бессловесный пронзительный крик, Рид прижал лицо к плечу друга.

Он понимал, что тот, кого звали этим криком, никогда больше не ответит.

Все перемешалось и спуталось; знала Симона одно: она

сидит на жестком пластиковом стуле в приемном отделении больницы. И в ее руках кока-кола.

Сестра и отец сидели рядом. Натали свернулась калачиком, прижавшись к отцу, но Симона не желала, чтобы ее обнимали или трогали.

Давно ли они ждут. Пять минут? Пять часов?

Другие люди тоже ждали.

Она слышала, как называли цифры.

Трое стрелявших. Восемьдесят шесть пострадавших.

Иногда число пострадавших возрастало, иногда уменьшалось.

Тридцать шесть погибших. Пятьдесят восемь.

Цифры менялись, все время менялись.

Тиш погибла. И это не изменится.

Они ждали, сидя в жестких креслах, пока кто-то вынимал осколки стекла из раны на голове матери и обрабатывал порезы на ее лице.

Лицо матери стояло перед глазами Симоны – бледное, бледное, такое бледное под косметикой. Светлые волосы – всегда идеально уложенные – спутаны и залиты кровью.

Маму вывезли на одной из каталок; Натали цеплялась за ее руку и плакала.

Натали не поранилась, потому что мама успела затолкнуть ее внутрь магазина. Мама упала, и Натали тащила и тащила ее внутрь, пыталась спрятать за вешалкой, полной летних маек и платьев.

Натали смелая. Симона скажет ей, какая она смелая, когда сможет говорить.

А сейчас врачи должны вынуть все осколки и обследовать маму, потому что она сильно ударилась головой и на пару минут потеряла сознание.

Сотрясение мозга.

Симона знала, что Натали хочет домой – папа все повторял ей, что мама будет в порядке, скоро выйдет, и они поедут домой.

Но Симона не поедет, и никто ее не заставит.

Тиш умерла, Ми – на операции. Никто не заставит ее уйти.

Она держала банку колы обеими руками, чтобы отец снова не взял ее за руку. Не надо, чтобы кто-нибудь держал ее за руку. Или обнимал. Не сейчас.

Может, когда-нибудь.

А пока ей просто нужно ждать на жестком пластиковом стуле.

Вышел доктор, и отец вскочил на ноги.

«Папа такой высокий, – смутно подумала Симона, – такой высокий и красивый». Он был в костюме и галстуке – вернулся домой после делового ужина, включил новости. Сразу выбежал и помчался в торговый центр.

Доктор объяснял ее отцу: легкое сотрясение мозга, несколько швов.

Когда вышла мама, Симона поднялась. До этого момента она не понимала, как боится, что с ее мамой на самом деле

не все в порядке.

С ее мамой могло случиться, как с Ми, или еще хуже, как с Тиш.

Мама вышла в комнату ожидания. Несколько пластырей на ее лице, но она больше не выглядела бледной, такой бледной, как раньше. Такими бледными Симона представляла мертвецов.

Натали вскочила, обняла мать.

– Ты моя храбрая девочка, – пробормотала Тюлип. – Мои храбрые девочки, – сказала она, протянув руку Симоне.

И теперь Симона хотела ощутить прикосновение, хотела, чтобы ее брали за руку и обнимали.

Она обняла мать и Натали.

– У меня все хорошо, только шишка на голове. Уорд, давай отвезем девочек домой.

Симона услышала в голосе матери слезы и на секунду прижалась к ней крепче. И закрыла глаза, когда отец обнял их всех.

– Я схожу за машиной.

Симона отстранилась.

– Я не поеду. Я пока не еду домой.

– Дорогая...

Симона яростно затрясла головой и отступила на шаг. От маминого усталого лица с порезами и пластырем.

– Я не поеду. Ми... ее оперируют.

– Дорогая, – снова попыталась Тюлип, – ты здесь ничего

не можешь сделать, и...

– Я могу здесь быть.

– Нат, ты помнишь, где мы припарковали машину?

– Да, папа, но...

– Отведи маму. – Он передал Натали ключ. – Вы идите, садитесь в машину и дайте нам с Симоной минутку.

– Уорд, девочки должны быть дома. Им не нужно здесь находиться.

– Идите в машину, – повторил папа, даже когда Симона снова села. Он прижал губы к щеке жены, что-то пробормотал, затем сел рядом с Симоной. – Я знаю, что ты напугана. Мы все напуганы.

– Ты не был там.

– Да.

Она слышала страдание в его голосе.

– Симона, я ужасно сожалею о Тиш. Ужасно сожалею о Ми. Я обещаю тебе, что мы справимся о Ми из дома, и я привезу тебя к ней завтра, чтобы повидаться. Но твоей маме нужно домой, и Натали тоже.

– Вези их домой.

– Я не могу оставить тебя здесь.

– Я должна остаться. Я их покинула. Я их покинула.

Папа притянул ее к себе. Симона сопротивлялась, пыталась вырваться, но он был сильнее и держал ее, пока она не сдалась.

– Я ужасно сожалею о Тиш и Ми, – повторил папа. – И

я буду благодарен судьбе до конца своей жизни, что тебя не было в кинозале. Сейчас мне нужно позаботиться о твоей маме и твоей сестре. Мне нужно позаботиться о тебе.

– Я не могу оставить Ми. Я не могу. Я не могу. Пожалуйста, не заставляй меня.

Он мог бы заставить, и Симона боялась, что он так и делает. Однако когда она отстранилась от него, появилась Сиси. Длинные, летящие рыжие волосы, полдюжины бус вокруг шеи, голубая юбка и сандалии «Док Мартенс».

Она обняла Симону, стиснула ее крепкими, натренированными йогой руками, окутала облаком персиковых духов с легчайшей ноткой марихуаны.

– Слава богу! Ох, детка! Спасибо всем богам и богиням. Что с Тюлип? – спросила она Уорда. – Как Натали?

– Они пошли к машине. У Тюлип пара шишек и царапин, ничего страшного. Нат в полном порядке.

– Сиси останется со мной. – Симона прижала губы к уху бабушки: – Пожалуйста, пожалуйста.

– Конечно, останусь. У тебя что-то болит? Ты...

– Он убил Тиш. Ми... ее оперируют...

– О нет. – Сиси, обнимала внучку, качала ее, плакала вместе с ней. – Милые девочки, милые юные девочки...

– Папе нужно отвезти маму и Натали домой. Я должна ждать здесь, я должна подождать Ми. Пожалуйста.

– Конечно, дорогая. Я побуду с ней, Уорд. Я привезу ее домой, когда операция Ми закончится. Я ее привезу.

В голосе бабушки прозвенел металл, и Симона поняла, что отец хотел возразить.

– Ладно. Симона... – Он обхватил ладонью ее подбородок, поцеловал в лоб. – Звони, если я буду нужен. Мы помолимся за Ми.

Она посмотрела ему вслед, положила руку на ладонь Сиси.

– Я не знаю, где Тиш. Ты можешь выяснить?

У Сиси Леннон был талант заставлять людей сказать ей то, что она желала знать, или делать то, что, по ее мнению, они должны делать. Поэтому очень скоро Симона оказалась в другой комнате ожидания.

Здесь были мягкие стулья, диваны и скамейки, даже торговые автоматы. Она увидела родителей Ми, ее старшую сестру, младшего брата, бабушку и дедушку.

Первым ее заметил отец Ми. Он выглядел на тысячу лет старше, чем когда сегодня они заезжали за Ми. Он работал в саду и махал им рукой, когда они уезжали.

Он поднялся, подошел к ней и обнял со слезами на глазах.

– Я так рад, что ты не пострадала.

Его английский был безупречен. От него пахло свежескошенной травой.

– Я покинула их. Мне нужно было в туалет, и я покинула их. А потом...

– Ах. Я рад, что тебя там не было. Миссис Леннон, очень любезно с вашей стороны, что вы пришли.

– Сиси, – поправила бабушка. – Сейчас мы одна семья. Мы хотели бы подождать вместе с вами, направить к Ми все наши целительные мысли и свет.

Его подбородок задрожал.

– Симона, мое сокровище, иди, посиди с мамой Ми. – Сиси положила руку мистеру Юнгу на плечо. – Давайте пройдемся.

Симона подошла и села рядом с миссис Юнг. И когда миссис Юнг крепко сжала ее руку, Симона ответила таким же крепким пожатием.

Она знала, что Сиси верит в флюиды, духовный свет, сжигание шалфея и медитацию. Во все виды мистики, услышав о которых ее дочь закатывала глаза.

Еще Симона знала, что если кто-нибудь способен помочь Ми силой духа, то лишь Сиси.

Она цеплялась за эту веру, как за руку матери Ми.

Глава 3

Когда Сиси вернулась, Симона встала, чтобы мистер Юнг мог сесть рядом с женой. Она еще не успела сесть на другое кресло, когда сестра Ми, Нарі, взяла ее под руку.

– Помоги мне принести чай.

Симона пошла с ней в дальний конец большой комнаты к столику, где стояли термосы с горячей водой, стопки одноразовых чашек и лежали кофе и чай в пакетиках.

Тоненькая Нарі, прилежная студентка второго курса Массачусетского технологического института, ловко расправила складной картонный лоток.

– Они не скажут тебе, – тихо проговорила она, взглянув на Симону темными глазами из-за темных очков. – Все очень плохо. Ми получила три пули.

Симона открыла рот, но слова не шли. Не было слов.

– Я слышала, как полицейский говорил с медсестрой, когда ее повезли на операцию. Она потеряла много крови. Такая маленькая и потеряла столько крови. Ты пойдешь со мной, чтобы сдать для нее кровь? Может, не прямо для нее, но...

– Да. Что нужно делать? Куда идти?

Симона была несовершеннолетней, поэтому ее сопровождала Сиси. Они ждали в очереди – сдавать кровь пришли многие.

В кресле Симона отвела взгляд – при виде игл ее всегда подташнивало. Потом она отпила из стаканчика апельсинового сока, как было велено.

На обратном пути она сказала Сиси, что хочет зайти в туалет.

– Я пойду с тобой.

– Все в порядке. Я сама.

От апельсинового сока ее затошнило.

Войдя внутрь, Симона увидела женщину, стоящую возле одной из раковин. Женщина плакала.

Мать Тиффани.

Миссис Брайс была ее учительницей английского языка в седьмом классе. В том же году – и все это знали – мистер Брайс с ней развелся, чтобы жениться на другой женщине (намного моложе), которая была от него беременна.

Симона внезапно поняла, что до этой минуты не вспоминала ни о Тиффани, ни о Тренте – мальчике, которого, как ей казалось, она любила.

– Миссис Брайс...

Не переставая рыдать, женщина обернулась.

– Простите. Я Симона Нокс. Я училась у вас в средних классах. Я видела Тиффани сегодня вечером перед... до того, как...

– Ты там была?

– С Ми-Хи Юнг и Тиш Олсен. В кино. Ми делают операцию. В нее стреляли, она получила три пули. Тиш погибла.

– О Боже. – Они стояли, глядя друг на друга, по их щекам текли слезы. – Тиш? Тиш Олсен? О Боже, Боже. – Миссис Брайс обняла Симону. – Тиффани в операционной. Она... они ничего не говорят...

– А Трент? Она была с Трентом.

Миссис Брайс отступила на шаг назад, прижала ладони к глазам, помотала головой.

– Я буду молиться за Ми. – Она отвернулась к раковине, включила воду, плеснула себе на лицо. – А ты помолись за Тиффани.

– Я помолюсь, – искренне пообещала Симона.

Ее больше не тошнило. Внутри и так была пустота.

В комнате ожидания Симона уснула, положив голову на колени Сиси. Потом проснулась и продолжала лежать с такой мутной головой, что в комнате, казалось, плавал тонкий слой тумана. Сквозь этот туман она видела мужчину с седыми волосами и голубым от щетины подбородком. Он говорил с миссис Брайс.

Миссис Брайс снова плакала, но теперь не так, как тогда, в туалете. Она сжимала руки на коленях, сжимала губы, но все кивала и кивала. И даже сквозь слой тумана Симона видела облегчение.

Тиффани не умерла. Как Тиш. Или как Трент.

Ми тоже не умрет.

Она не может умереть.

Они ждали. Симона вновь уснула, правда, неглубоко, и

поэтому почувствовала, как Сиси напряглась.

Вышла женщина-доктор с иссиня-черными, стянутыми в узел волосами. У нее был акцент – возможно, индийский. Впрочем, акцент растворился в тумане, когда Симона осознала слова и вскочила.

Ми пережила операцию.

Пуля задела правую руку. Мышцы не повреждены.

Пуля задела правую почку. Прооперировано. Вероятно, повреждений не останется.

Пуля в груди. Легкие полны крови. Дренаж, операция, переливание крови. Следующие двадцать четыре часа будут критическими. Ми – молодая и сильная.

– Когда ее переведут из хирургии в реанимацию, мы разрешим посещение. На короткое время, только по два человека. Она под седативными препаратами, – продолжала врач. – Пусть поспит несколько часов. А вы должны немного отдохнуть.

Миссис Юнг плакала.

– Спасибо. Спасибо. Мы подождем и потом придем к ней. – Мистер Юнг обнял жену за плечи.

– Я отведу вас в отделение реанимации. Только родных, – добавила доктор, глянув на Симону и Сиси.

– Эта девушка – наша семья, – сказал мистер Юнг.

Доктор, смягчившись, посмотрела на Симону.

– Мне нужно ваше имя для утвержденного списка посетителей.

– Симона Нокс.

– Симона Нокс? Первая позвонившая в «девять-один-один»?

– Не знаю. Я звонила.

– Симона, вы должны знать: позвонив так быстро, вы дали Ми шанс выжить. Я внесу ваше имя в список.

Когда Симона вернулась домой и погрузилась в беспокойные сны, Майкл Фостер сидел возле больничной койки своей жены.

Она спала. Когда проснется, она снова спросит о Брэди. У нее нарушена краткосрочная память, но память, сказали ему, восстановится. А пока ему нужно заверять ее снова и снова, что их сын цел и невредим.

Рид Квотермейн. Они обязаны этим Риду Квотермейну.

Она проснется. Она жива.

Однако из-за пули в позвоночнике больше никогда не сможет ходить.

Одна пуля попала чуть ниже лопатки, а вторая – в нижнюю часть позвоночника.

Майкл Фостер пытался убедить себя, что им повезло. Надо верить, потому что нужно убедить в этом жену. Если бы пуля попала выше, ее могло парализовать полностью. Ей могла бы понадобиться дыхательная трубка, она не сумела бы даже повернуть голову.

Им повезло. Она не потеряет контроль над мочевым пу-

зырем и кишечником. Со временем и с помощью терапии научится управлять моторизованным креслом, даже сможет водить машину.

Но его прекрасная жена, которая так любила танцевать, не сможет ходить.

Никогда больше не будет бегать по пляжу с Брэди, гулять с ним в горах и ходить вверх и вниз по лестнице в доме, на который они так долго копили.

Все потому, что трое чокнутых эгоистичных ублюдков решили развлечь себя бессмысленным убийством.

Даже неизвестно, кто из троих выстрелил в его жену, мать его ребенка, любовь всей его треклятой жизни.

Не важно, кто из них, думал Майкл. Они все это сделали. Джон Джефферсон Хобарт, он же Джей-Джей, семнадцать лет.

Кент Фрэнсис Уайтхолл, шестнадцать лет.

Девон Лоуренс Полсон, шестнадцать лет.

Подростки.

Социопаты, психопаты. Плевать, какой ярлык навесят на них психологи.

Майкл знал число погибших – по крайней мере, на четыре утра, когда он в последний раз проверял.

Восемьдесят девять.

И его Лиза была одной из 242 раненых.

Потому что три извращенца, вооруженные до гребаных зубов, пятничным вечером вошли в торговый центр с мис-

сией убивать и калечить.

Миссия выполнена.

Он не считал их среди погибших – они не заслуживали того, чтобы их считать, – но был благодарен тому полицейскому, который убил Хобарта, и был рад, что другие двое застрелились сами или застрелили друг друга. По состоянию на четыре утра эта деталь оставалась невыясненной.

Он был рад, что не будет суда. Рад, что ему, человеку, посвятившему себя спасению жизней, не придется проводить бессонные ночи, воображая, как он убивает их сам.

Лиза пошевелилась. Майкл наклонился к ней ближе. Она открыла глаза, и он поднес ее руку к губам.

– Брэди?

– Он в порядке, милая. Он у твоих родителей.

– Я держала его за руку. Я схватила его и побежала, но потом...

– С ним все в порядке, Лиза, милая, он цел и невредим.

– Я так устала...

Она снова заснула. Майкл продолжал смотреть, как она спит.

Рид проснулся на рассвете. В голове гудело, глаза жгло, горло было сухое, как пустыня. Самое жуткое похмелье без капли алкоголя.

Он принял душ – в третий раз с тех пор как вернулся домой к своим измученным беспокойством, но обрадованным

родителям и плачущей сестре.

Он никак не мог избавиться от ощущения крови Энджи, которая пропитала его брюки и попала на кожу.

Рид закинул в рот таблетку «адвила», запил водой прямо из крана. Потом включил компьютер. Истории о стрельбе в торговом центре занимали первые страницы всех новостей.

Он внимательно прочитал три имени, посмотрел фотографии.

Ему показалось, что он где-то видел Уайтхолла раньше, но не мог вспомнить где.

Он узнал Полсона – видел, как тот, смеясь, стрелял в мертвое тело.

Один из них убил Энджи. В новостях сообщали, что третий, Хобарт, не вышел из кинотеатра.

Один из них убил Джастина, водителя в «Манджи», впервые пошедшего на летнюю подработку.

И Люси, официантку. Она планировала уволиться в конце года и вместе с мужем путешествовать по стране в трейлере.

И посетителей. Он не знал сколько.

Дори в больнице. И Бобби, и Джек, и Мэри.

Рози сказала ему, что парень с винтовкой вошел через стеклянные двери, обстрелял главный зал и снова вышел. Десять секунд, двадцать. Больше и не надо.

Он читал рассказы очевидцев; дважды перечитал статью про «Гейм-стоп».

Мы услышали стрельбу, но не поняли, что это. В

магазине шумно. Потом прибежал мужчина и стал кричать, что кто-то стреляет в людей. Он был весь в крови, но, кажется, даже не осознавал, что ранен.

И тогда продавец магазина – не знаю его имя – начал говорить всем, чтобы шли в заднюю комнату. Некоторые хотели бежать из магазина, но выстрелы зазвучали ближе. Мы их слышали, и продавец звал людей в заднюю комнату. Там было очень тесно, магазин был полон народу. В жизни мне не было так страшно, как в той комнате. Люди плакали и молились, а он говорил, чтобы мы вели себя тихо.

Потом мы услышали выстрелы, очень громко. Прямо в магазине.

Стекло разбилось. Я думал, мы все умрем, но потом он перестал стрелять. Или, наверное, пошел дальше. Продавец хотел, чтобы мы сидели там, пока не придет полиция, однако кто-то запаниковал и выбежал за дверь. Несколько человек выбежали. Потом пришла полиция и вывела нас на улицу. Этот парень, молодой продавец в толстых очках, спас нам жизнь.

– Молодец, Чаз, – прошептал Рид.

В крохотной кухне своей маленькой квартирке Эсси заварил полный чайник кофе.

Времени его выпить хватит, потому что ее отстранили от работы.

Командир заверил ее, что она вернется – и, скорее всего, получит медаль, – но разбирательство может затянуться.

Она не только стреляла из служебного оружия, она убила человека.

Эсси верила командиру и знала, что просто сделала свою работу, однако решила оставаться в курсе всех дел, пока ее не призовут обратно. Она не понимала, насколько для нее важно быть копом, пока не возникла опасность, что ее могут уволить.

Престарая кошка спала на подушке. Эсси взяла бублик и последний банан. Размер и планировка квартиры позволяли ей видеть экран телевизора от кухонного стола, который служил также и рабочим столом. Она села за стол и включила телевизор.

Эсси уже поняла, что репортерам известно ее имя: чуть раньше, выглянув из окна, поняла, что они ее разыскали. Она не собиралась выходить из квартиры под залпы вопросов и фотокамер. Кто-то слил номер ее домашнего телефона, поэтому она его отключила. Беспрестанный звон действовал на нервы.

Номера ее мобильного репортеры пока не знали. Если напарник или командир захотят с ней связаться, то позвонят. Плюс у нее есть электронная почта.

Она открыла ноутбук и просмотрела утренние новостные передачи.

В ноутбуке Эсси составила список имен. Симона Нокс, ее мать и сестра. Рид Квотермейн. Чаз Бергман. Майкл, Лиза и Брэди Фостер. Ми-Хи Юнг. С ними надо держать связь,

даже если придется делать это в свободное от работы время.

Она записала имена стрелков. Она собиралась собрать на них все, что сможет: их семьи, учителя, друзья, работодатели, если таковые были.

Она зафиксировала данные – текущие: сколько погибших, раненых. Вписала известные ей имена; недостающие она выяснит.

Она делает свою работу, думала Эсси, пока слушала новости, пока ела, пока печатала. Но это не значит, что дело не касается ее лично.

Сиси Леннон жила по собственным правилам. Два главных правила – «Старайся никому не сделать больно» и «Имей смелость говорить то, что думаешь» – часто сталкивались и конфликтовали друг с другом, но результат вполне соответствовал третьему правилу: «Если нужно, будь стервой».

Сиси выросла в Рокпойнте, уважаемом пригороде Портленда, штат Мэн, с родителями-методистами, убежденными республиканцами. Ее отец, финансовый директор, и мать, домохозяйка (о чем говорилось с гордостью), были членами загородного клуба, каждое воскресенье посещали церковь и устраивали званые обеды. Отец раз в три года покупал новый «Кадиллак», по субботам с утра играл в гольф, по воскресеньям днем – в теннис (в паре с женой) и коллекционировал марки.

Мать по понедельникам ходила к парикмахеру, по средам играла в бридж и была членом клуба садоводов. Дебора (ни в коем случае не Деб и не Дебби) Леннон хранила свои деньги «на булавки» в белой перчатке в верхнем ящике комода, никогда в жизни сама не выписывала чеки и не оплачивала счета и встречала вернувшегося с работы мужа в свежем мажонде. Она готовила ему вечерний коктейль – обычно мартини с сухим джином и одной маслиной, в летний сезон он переходил на джин-тоник с долькой лайма, – чтобы муж мог расслабиться перед ужином.

У Леннонов была ежедневная домработница, еженедельный садовник, а в летние месяцы – мальчик, обслуживающий бассейн. Они имели летний дом в Кеннебанкпорте и считались столпами местного общества.

Естественно, Сиси восстала против всего, чем они были и за что стояли.

Что могло сделать дитя 60-х, дабы ужаснуть родителей-консерваторов, как не отдаться в страстные объятия контркультуры? Сиси осуждала патриархальность церкви, активно выступала против правительства, против войны во Вьетнаме и в буквальном смысле сожгла свой бюстгальтер.

В 17 лет она собрала чемодан и отправилась автостопом до Вашингтона на марш. Оттуда – секс, наркотики, рок-н-ролл – отправилась по стране. Весну Сиси провела в Новом Орлеане, в ветхом доме с группой художников и музыкантов. Она рисовала для туристов – у нее был талант.

Потом уехала в Вудсток в фургоне, рисуя психоделические чудеса. Где-то во время мокрого от дождя блаженства зачала ребенка.

Поняв, что беременна, Сиси отказалась от наркотиков и алкоголя, отступила от вегетарианской диеты (как будет делать еще множество раз по самым разным причинам на протяжении десятилетий) и присоединилась к коммуне в Калифорнии. Там она рисовала, училась вязать, сажала и собирала овощи в саду, попыталась построить лесбийские отношения – впустую, но, по крайней мере, попыталась.

На маленьком диване в полуразрушенном фермерском доме прекрасным весенним днем она родила дочь под магнитофонные записи Дженис Джоплин, а за раскрытым окном покачивались на ветру тюльпаны.

Когда Тюлип¹ Джоплин Леннон было шесть месяцев, Сиси, скучая по зелени Восточного побережья, отправилась туда с группой музыкантов. По пути она завела короткий роман с певцом, который, под кайфом, предложил ей три тысячи за свой портрет.

Она рисовала его нагишом и в ботинках, с гитарой «Фендер стратокастер» в руках.

Сиси уже позабыла о нем, когда певец получил контракт на запись альбома и использовал для обложки ее картину. Сингл «Прощай, Сиси» попал в топ-40 хитов, и альбомом стал золотым.

¹ *Тюлип* (англ. Tulip) – тюльпан. – Здесь и далее примеч. перев.

Спустя два года, когда Сиси и Тюлип жили в Нантакете, автор песен скончался от передоза. Оригинал картины пошел на аукцион и был продан за три миллиона долларов.

Так стартовала художественная карьера Сиси.

Через семь лет после того, как она отправилась автостопом до Вашингтона, у отца Сиси обнаружили рак поджелудочной железы. На то время их общение было скудным, хотя время от времени она посылала родителям по почте фотографии внучки и два или три раза в год звонила.

Но когда мать расплакалась в телефонном разговоре, Сиси последовала другому своему правилу: «Помогай, когда можешь».

Она взяла дочь, кисти, краски и свой велосипед и поехала домой.

Сиси узнала несколько вещей.

Она узнала, что ее родители очень любят друг друга. И что большая любовь вовсе не означает, что ее мать самостоятельно справлялась с грязной работой.

Она узнала, что ее отец хотел умереть дома. А поскольку она его любила – к ее собственному удивлению, – она решила проследить, чтобы его желание было исполнено. Она отменила настойчивые советы матери отдать Тюлип в частную школу-интернат и записала девочку в обычную местную школу. Пока она возила отца на химиотерапию, на приемы к врачам и вытирала рвоту, ее мать с радостью нянчилась с Тюлип.

Сиси наняла медбрата, чье сострадание, доброта и любовь

к року сделали их друзьями на всю жизнь.

Двадцать один месяц она ухаживала за умирающим отцом и вела домашнее хозяйство, пока ее мать пребывала в мире отрицания и баловала Тюлип.

Отец умер дома, рядом с любящей женой, свернувшейся калачиком подле него в постели, и дочь держала его за руку.

За следующие несколько месяцев Сиси признала, что ее мать никогда не станет самостоятельной, никогда не научится подводить баланс в чековой книжке или чинить подтекающий кран. И признала, что она сойдет с ума, если останется в пригороде, в этом немаленьком особняке, с женщиной, не имеющей представления, как поменять перегоревшую лампочку.

Отец оставил ее мать более чем финансово обеспеченной, так что Сиси наняла управляющего, приходящего по вызову сантехника и трудолюбивую молодую домработницу (поскольку прежняя ушла на пенсию), которая также могла быть ее компаньонкой.

Вскоре она узнала, что отец изменил свое завещание и оставил ей миллион долларов – после уплаты налогов, – и ее первой реакцией была ярость. Она не хотела его консервативных денег. Она могла – и собиралась – зарабатывать своим искусством.

Но ярость поутихла, когда она с Тюлип поехала на пароме на остров Спокойствия и увидела тот дом. Ей полюбились его широкие террасы – на первом и втором этажах. Вид на

океан, узкая полоска пляжа, изгиб каменистого берега.

Она может рисовать здесь вечно.

Табличка «Продается» была для Сиси словно знак свыше.

Сорокаминутная поездка на пароме от Портленда – достаточно далеко (слава богам!) от ее матери и в то же время достаточно близко, чтобы не испытывать чувства вины. До поселка, населенного веселыми художниками, – короткая поездка на велосипеде.

Она купила дом – после жесткой торговли – за наличные и начала следующую главу своей жизни.

А теперь она вернулась в богатый пригород – хорошо бы ненадолго, – в дом дочери, больше похожей на бабушку, чем на мать, которая пыталась привить ей жажду приключений, независимости и свободы.

Потому что правило «Помогай, когда можешь» было все еще в силе.

Сиси приготовила завтрак для дочери и Уорда в их элегантной современной кухне. Она отключила телефоны и опустила шторы на окнах, за которыми собрались репортеры.

Она смотрела новости по телевизору в гостевой комнате и слушала запись телефонного звонка Симоны в «девять-один-один», от которого ее бросало в дрожь. Кто-то слил в прессу не только звонок, но и имя Симоны.

А потом она села с Уордом и Тюлип за кухонный стол и изложила свое предложение:

– Позвольте мне забрать Симону на остров, по крайней мере, до начала школы.

– Ей лучше быть дома... – начала Тюлип.

– Пресса не оставит ее в покое. Она сделала первый звонок о помощи, и она красивая шестнадцатилетняя девушка. Одна из ее подруг погибла, другая находится в больнице. Ми выжила.

Уорд прерывисто вздохнул.

– Они не дали мне информации о ней, когда я звонил.

Сиси посмотрела на него. Он хороший человек, подумала она. Хороший человек, хороший муж, хороший отец. Сейчас он выглядел измученным.

– Хван внес мое имя и имя Симоны в список членов семьи. – Поскольку он был хорошим человеком, Сиси положила свою ладонь на его руку. – Позвони ему.

– Позвоню. Да, я позвоню.

Теперь Сиси положила руку на руку своей дочери.

– Тюлип, я знаю, сейчас тебе нужны твои девочки, а ты нужна им. Симона не уедет, пока не будет уверена, что ты в порядке, и Ми поправляется. Думаю, полиция придет с ней поговорить.

– Мы должны сделать заявление для прессы, – добавил Уорд. – Ты права. Они не оставят ее в покое.

– Верно. А вот после всего этого позвольте мне забрать ее, дать ей несколько недель тишины и покоя – и Ми, когда она поправится. Я позабочусь, чтобы нам никто не докучал.

Симоне нужно будет с кем-нибудь поговорить обо всем этом, помимо нас. У меня есть друг, психотерапевт из Портленда. Он проводит часть лета на острове. Можешь встретиться с ним, Уорд, поговорить.

– Непременно.

– И ты поймешь, что он хороший профессионал. Ей надо будет выговориться. И тебе, Натали, детка.

– Я не хочу ни с кем говорить или видеться. Я хочу просто быть дома, с семьей.

Сиси хотела было что-то сказать, но Уорд предостерегающе покачал головой.

– Ладно, просто подумай об этом. Несколько недель на острове помогут Симоне забыться. Натали тоже, если она захочет. Впрочем, я знаю, что она собирается ехать в конный лагерь через пару недель.

– Хорошо, мы подумаем, – сказал Уорд. – Спасибо, Сиси, за...

– Не надо. В семье надо делать то, что нужно семье. А сейчас, полагаю, семье не помешает еще кофе.

Когда она поднялась, вошла Симона.

Темные круги под ее припухшими глазами резко выделялись на бледной коже.

– Ми очнулась. Ее отец сказал... сказал, что она хочет меня видеть. Я должна поехать к Ми.

– Конечно, только сперва позавтракай. Ми ни к чему видеть тебя такой бледной. Это не поможет ей чувствовать се-

бя лучше, правда, Тюлип?

– Садись, милая, – сказала ее мать.

– Я не хочу есть.

– Ну, немножко. Сиси тебе что-нибудь приготовит.

Симона села, посмотрела на лицо матери. На эти пластыри, синяки.

– Ты уже лучше себя чувствуешь?

– Да. – В ее глазах заблестели слезы.

– Не плачь, мама. Пожалуйста.

– Я не знала, где ты, – сказала она. – Я ударилась головой, и бедная Нат... я совершенно растерялась и была напугана. Я слышала выстрелы, крики и не знала, где ты, в безопасности ли. Я понимаю, Ми хочет тебя увидеть, но сначала я хочу немного побыть с тобой.

– Я не знала, что с тобой и с Нат. Не знала. – Симона села рядом с матерью, прижалась лицом к ее плечу. – Когда я сегодня проснулась, я решила, что мне приснился страшный сон.

– Теперь с нами все в порядке.

– Но не с Тиш.

Тюлип погладила дочку по голове, обняла.

– Я позвоню ее тете. Я позвонила бы ее матери, но... думаю, лучше тете. Спрошу, можем ли мы чем-нибудь помочь.

– Трент тоже погиб.

– Ох, Симона.

– Я видела в новостях – смотрела перед тем, как спусти-

лась. И видела имена и фотографии тех, кто это сделал. Они учились в моей школе. Я их знаю, встречала. Один из них был в моем классе. И они убили Тиш и Трента.

– Не надо сейчас об этом думать.

Реакция отрицания, подумала Сиси. Прямо как ее бабушка. До последнего закрывает глаза на все плохое.

Симона встала и пересела за другую сторону стола, лицом к родителям.

– В новостях назвали мое имя. Я выглянула в окно, а там люди, репортеры.

– Не беспокойся, – сказал Уорд. – Я ими займусь.

– Мое имя, папа. И мой голос... они проиграли запись моего звонка в полицию. У них есть моя фотография из школьного альбома. Я не хочу говорить с ними, не сейчас. Мне нужно увидеть Ми.

– Твой отец с ними поговорит, – бодро сказала Сиси, ставя перед внучкой тарелку с омлетом, двумя полосками бекона и куском тоста с маслом. – А мама поможет тебе с макияжем. Моя Тюли всегда умела обращаться с косметикой. Спрячем твои волосы под бейсболкой, наденешь темные очки, и, пока папа отвлекает репортеров, мы с тобой выйдем из задней двери. Перебежим по двору к подъездной дорожке Джефферсонов, где я оставила машину. Я звонила им вчера вечером, договорилась. Потом останется лишь позвонить в больницу и попросить впустить нас через боковой вход.

– Чертовски хороший план, – пробормотал Уорд.

– Когда тебе часто приходится сбегать из отелей, мотелей, откуда угодно, вырабатывается навык. Мы доставим тебя к Ми. – Сиси провела рукой по спутанным волосам Симоны. – Но сначала поешь.

Глава 4

План сработал именно так, как его задумала Сиси. Хотя Симоне казалось, что все это какой-то причудливый сон, вроде тех, что видишь, когда еще не совсем проснулась.

Но в реанимации сердце Симоны начало биться так сильно, так громко и быстро, словно билось между двух сжатых рук. Внезапно нахлынуло чувство, как будто она сидит в туалетной кабинке, наедине с отключившимся телефоном и страхом.

– Сиси...

– Вдохни глубоко – и выдохни через нос; представь, что надуваешь шарик. Еще и еще, – напевала Сиси, обняв внучку за талию. – Вот так, отлично. Ми поправится, так что дыши ради нее. Смотри, здесь Нары.

Нары, бледная от усталости, с темными кругами под глазами, встала и подошла к ним.

– У Ми наши родители. Доктор сказала, что ее скоро переведут в палату. Может, даже сегодня, потому что ее состояние улучшилось.

– Ей лучше? – У Симоны перехватило горло. – Ей правда лучше?

– Правда лучше, честное слово. Она выглядит... – Нары сжала губы, потому что они задрожали. – Она выглядит очень слабой, но ей лучше. Нам пришлось рассказать ей о

Тиш. Она очень хочет тебя видеть, Симона.

– Нари, милая, ты была здесь всю ночь? – спросила Сиси.

– Бабушка и дедушка отвезли брата домой. А я осталась с родителями. Мы просто не могли ее покинуть.

– Я принесу тебе кофе. Или чай? Газировку?

– Спасибо, мне кофе.

– Симона, посиди с Нари. Когда твои мама и папа выйдут, Нари, вы должны поехать домой и немного поспать. А мы с Симоной останемся. Будем дежурить посменно, чтобы здесь всегда кто-то был. Давай, садись.

– Не знаю, уйдут ли они, – сказала Нари, когда Сиси ушла за кофе.

– Сиси их убедит. Она это умеет. – «Чтобы быть храброй ради Ми, начинать нужно сейчас», – подумала Симона, ведя Нари обратно к стульям. – Мы будем дежурить по очереди, чтобы Ми не оставалась одна.

– Она помнит. По крайней мере, частично помнит. Сегодня утром к ней приходили из полиции. Врач разрешил им пообщаться всего пару минут. Ты говорила с полицией?

– Нет. Сегодня еще нет.

Сиси вернулась с кока-колой для Симоны и кофе для Нари.

– Много сливок, немножко сахара, верно?

– Да. – Нари вымученно улыбнулась. – Вы запомнили.

– Тут все записано. – Сиси постучала пальцем себе по

виску и села. – Я некоторое время подрабатывала роуди². Учишься запоминать, кто какой любит кофе, алкоголь, секс.

– Сиси!

– Такова жизнь, девочки мои. Нар, ты с кем-нибудь встречаешься?

Симона понимала, почему бабушка это сделала. Она заставила Нар на время забыть о тревогах и за три минуты выяснила больше, чем знали, как подозревала Симона, ее родители – о мальчике, с которым Нар недавно начала встречаться. Мальчик – ирландец, католик, ездил сюда из Бостона, чтобы с ней побыть, и ехал к ней сейчас.

Появились родители Ми, и Сиси подошла к ним, чтобы обнять. Пока они тихо переговаривались, миссис Юнг со слезами на глазах оглядывается на дверь, однако Сиси продолжала что-то говорить тихим и успокаивающим голосом.

«Как во сне», – снова подумала Симона. Через несколько минут Юнги согласились ненадолго уехать домой.

Когда они ушли, Сиси снова села и похлопала Симону по колену.

– Они думают, что не смогут заснуть, но они смогут. Тело и дух нуждаются в перезарядке, и дух будет направлять тело.

– Я не знала, что у Нар есть настоящий парень.

– Я тоже не думала, что он настоящий, пока она не сказала, что он бросил все дела и едет к ней. А сейчас я хочу,

² *Роуди* – помощник музыкальной группы на гастролях и концертах, ответственный на погрузку и выгрузку аппаратуры.

чтобы твои мысли были сильными и позитивными.

Погрозив пальцем, Сиси понимающе посмотрела на Симону. Глаза бабушки, которые Симона считала золотистыми, на самом деле были такого же оттенка, как у нее самой.

– И не думай, что я не вижу твоей мысленной ухмылки в мой адрес. Конечно, вы поплачете вместе, но это исцеляет, хочешь ты того или нет. Ты выслушаешь ее, все, что ей необходимо сказать. И скажешь ей правду обо всем, что она спросит, потому что если вы сейчас утратите доверие друг к другу, его уже будет не вернуть.

– Я не хочу говорить ничего такого, что сделает все хуже.

– Все уже «хуже», и вы преодолеете это вместе. Вам нужно, чтобы между вами была правда. Вон медсестра. Иди к ней, детка. Сильная и храбрая.

Симона совсем не чувствовала себя сильной и храброй из-за гудения в голове и тяжести в груди. Она кивнула медсестре, но не совсем поняла, что та сказала.

Все стало хуже, когда она увидела Ми через стекло.

Ми казалась такой маленькой, такой больной... «Слабая», – сказала про нее Нарри, однако в глазах Симоны Ми выглядела скорее сломанной. Что-то хрупкое упало и разбилось.

Она встретилась взглядом с Ми и не смогла сдержать слез.

Симона не помнила, как вошла. Не помнила, просила ли медсестра не дотрагиваться до Ми. Она прижалась щекой к руке Ми, сжала ее пальцы, тонкие, как крылья птицы.

– Я думала... я боялась, что они мне солгали. – Голос Ми, тонкий, как ее руки, прерывался от рыданий. – Я боялась, что ты тоже умерла, а мне не говорят. Я боялась...

– Я жива. Я здесь. Я совсем не пострадала. Меня там не было.

Симона услышала себя и вспомнила слова Сиси: «Выслушай ее».

– Тиш правда умерла?

Симона кивнула, все еще прижимаясь щекой к щеке Ми. Они плакали вместе, Симона чувствовала, как вздрагивает хрупкое тело Ми.

Она села на край кровати и взяла подругу за руку.

– Он вошел... Сначала я его не видела. Потом мы услышали выстрелы и крики. Все случилось очень быстро, и мы не поняли, что происходит. Тиш спросила: «Что это?» А потом...

Ми закрыла глаза.

– Можешь дать мне воды?

Симона взяла чашку с согнутой соломинкой и протянула ее Ми.

– Он в нее выстрелил, Симона. Он выстрелил в нее, а я почувствовала эту... ужасную боль. Тиш упала на меня, как бы опрокинулась, и боль стала еще сильнее, и она... словно дергалась. Он продолжал в нее стрелять, а она была надо мной и поэтому умерла. А я нет. Она меня спасла. Я сказала полиции. Я не могла пошевелиться. Я не могла ей помочь.

Он стрелял и стрелял, а потом все прекратилось. Выстрелы прекратились. Люди кричали и плакали. Я не могла кричать, не могла двигаться. Я думала, что я умерла... Наверное, я потеряла сознание. И очнулась здесь.

Легкие, как крылья, пальцы сжали пальцы Симоны.

– Я умру?

Правду.

– Тебя опасно ранили, и мы очень боялись. Мы ждали много часов, пока доктор не вышла и не сказала, что у тебя все в порядке. А сегодня тебя переведут из реанимации, потому что ты больше не в критическом состоянии. Здесь со мной Сиси, она уговорила твоих родителей пойти домой и немного поспать. Они ни за что не пошли бы домой, если бы ты умирала.

Ми снова закрыла глаза.

– Тиш умерла. Почему?

– Не знаю. Я не могу... я все еще не могу поверить, что все это случилось на самом деле.

– Ты пошла в туалет. Что произошло?

– Я уже возвращалась и думала, что звуки идут из фильма.

Но человек... мужчина... он пытался убежать и упал. Весь в крови. Я заглянула в зал, всего на секунду, и увидела... увидела, что кто-то стреляет. Я побежала в туалет и позвонила в «девять-один-один». Мне велели оставаться на месте, спрятаться и ждать, а пока я говорила, мой телефон совсем сел.

Ми слабо улыбнулась.

– Ты опять забыла его зарядить.

– Больше никогда не забуду, клянусь. Потом пришел полицейский. Женщина. Я назвала ей ваши имена, и имена моей мамы и Натали.

– Они тоже были в торговом центре. Я и забыла.

– Их было трое, Ми. В новостях говорили. Двое в торговом центре, один в кинотеатре.

– Твоя мама и Натали?.. Нет, нет.

– Они в порядке. Мама ударилась головой и получила порезы на лице от разбитого стекла. Нат затащила ее за витрину. Они обе в порядке.

Симона помедлила, а потом решила сказать:

– Три человека убивали людей. Они убили Тиш. И мы их знали.

– Мы их знали? – медленно повторила Ми.

– Они убиты. Я рада, что они умерли. Джей-Джей Хобарт.

– О Боже.

– Кент Уайтхолл и Девон Полсон были в торговом центре. Джей-Джей был в кинотеатре.

– Он убил Тиш. Я почти каждый день видела их в школе. И они убили Тиш.

– И Трента. Тиффани серьезно ранена. Я вчера вечером видела ее маму. Джей-Джей выстрелил в нее. У нее может быть повреждение мозга... и лица... Я слышала лишь несколько слов. Не знаю, насколько все плохо.

– Я знаю, что Джей-Джей был подлым, иногда глупо под-

лым, но... – Глаза Ми вновь наполнились слезами. – Это я выбрала фильм. Я хотела посмотреть именно этот фильм, и теперь Тиш мертва.

– Ты не виновата. И я не виновата, что пошла в туалет и что меня с вами не было. Но все равно такое чувство, словно мы виноваты. Хотя виноваты они, Ми. Я их ненавижу. Я вечно буду их ненавидеть.

– Я устала, – пробормотала Ми, закрывая глаза. – Не уходи.

– Я буду прямо за дверью, – сказала Симона, глядя, как медсестра подает ей знак через стекло. – Я не уйду.

Несколько раз в прошлом Риду снились интересные сны о том, как он раздевает Энджи. Сейчас, после нескольких ночных кошмаров о том, как он прячется за ее мертвым телом, он сидел в заднем ряду методистской церкви на ее похоронах.

Они не были друзьями. Он совершенно ее не знал. Не знал, например, что ее родители разведены, или что она играла на флейте, или что ее брат – морской пехотинец.

Наверное, он узнал бы обо всем этом, если бы они сходили в кино, съели вместе пиццу или прогулялись по пляжу. Но не довелось.

Сейчас Рид чувствовал себя глупо и виновато, пока люди вокруг, которые ее знали и любили, плакали.

И все же он должен был прийти. Не считая покупателей,

он был последним, кто с ней разговаривал. И те ужасающие минуты, когда он прятал маленького мальчика в ее киоске, рядом с ее телом...

На его туфлях и штанах была ее кровь.

Поэтому он сидел там, слушая молитвы, рыдания и душераздирающие панегирики, сидел в костюме, который был слишком тесен ему в плечах. Мать говорила, когда он приехал домой, что нужно купить новый костюм, но он отмахнулся – мол, пустая трата денег.

Мать, как всегда, была права.

Наверное, это неуважительно, что он отвлекся на мысли о костюме. Поэтому он стал вспоминать те три лица, которые снова и снова показывали в новостях.

Все они были младше его, и один из них убил Энджи.

Не Хобарт. Того застрелила офицер Макви. В новостях говорили, что Хобарт работал в кинотеатре и был у них главным.

Значит, Энджи убил либо Уайтхолл, либо Полсон.

На фотографиях – в телевизоре, в газетах, в Интернете – они выглядели нормальными.

Но они не были нормальными.

Тот, которого он тогда видел – и видит до сих пор в ночных кошмарах – в кевларовой броне, смеялся, стреляя человеку в голову. Он не был нормальным.

Теперь Рид знал гораздо больше об этих троих, за восемь минут кровавой бойни убивших девушку, которая ему

нравилась. Хобарт жил со своим отцом после скандального развода родителей. Его младшая сестра осталась с матерью. Отец, заядлый коллекционер оружия, учил детей охотиться и стрелять.

Уайтхолл жил с матерью, отчимом, сводными братом и сестрой. Его отец, сейчас безработный, был несколько раз арестован: появление в нетрезвом виде и нарушение порядка в общественных местах. Уайтхолл, как сказали соседи, держался замкнуто и имел проблемы с наркотиками.

Полсон казался образцовым учеником. Хорошие оценки, никаких нарушений дисциплины, полная семья, единственный ребенок. Бойскаут, получил значок за достижения в спортивной стрельбе. Член Стрелковой организации США, с прицелом на Олимпиаду. Его отец выступал за США в Сиднее в 2000 году и в Афинах в 2004 году.

Знавшие Полсона люди говорили, что заметили в нем перемену (задним числом) примерно шесть месяцев назад – он вроде как стал еще более замкнутым.

Примерно тогда же девушка, которая ему нравилась, решила, что ей больше нравится кто-то другой.

И он познакомился с Хобартом.

Трое будущих убийц начали подпитывать внутреннюю ярость друг друга.

Как сообщала пресса, они писали об этом – где-то в компьютере, который полиция сейчас изучала. А Рид изучал полицейские отчеты, просматривал обсуждения в Интернете,

смотрел выпуски новостей, много раз беседовал с Чазом и остальными.

Как бы ему ни хотелось знать, просто знать почему, он понимал, что расследование займет целую вечность. Или больше.

По обрывкам информации из отчетов, новостей, сплетен и пересудов можно было сделать вывод, что Хобарт всех ненавидел. Свою мать, учителей, коллег по работе. Он ненавидел негров, евреев и геев. Просто всех ненавидел. И любил убивать живых существ.

Уайтхолл ненавидел свою жизнь, был уверен, что все и вся против него. Он устроился на летнюю подработку – в торговый центр, – а через две недели его уволили. По словам бывшего коллеги, за то, что приходил на работу под кайфом. Когда вообще приходил.

Полсон злился на свое невезение. По его мнению, он всю свою жизнь делал все правильно, тем не менее потерял любимую девушку и ни в чем не преуспевал. Он решил, что пора ему стать плохим.

Местом действия избрали торговый центр. Провели три пробных прогона, рассчитали время и отточили свои действия. Потом планировали собраться в «Аберкромби и Фитч», забаррикадировать дверь, взять заложников и уничтожить как можно больше полицейских.

Уайтхолл и Полсон почти добрались до места, но они принесли клятву: если один падет, падут все.

Когда Хобарт не явился и их окружили копы, Уайтхолл и Полсон, по словам свидетелей, стукнулись кулаками, крикнули: «К черту вас!» – и направили оружие друг против друга.

Вероятно, что-то из этого было правдой. Может, даже большая часть. Рид надеялся, что информации будет появляться все больше и больше. Про этих ублюдков еще напишут книгу, наверное, даже снимут гребаный телефильм... И зря.

Рид очнулся от своих мыслей, когда церемония уже подходила к концу, поднялся и стоял, пока выносили гроб Энджи. Он не мог представить ее в этом ящике. Не хотел представлять ее там. Семья девушки шла следом, тесной группой, словно поддерживая друг друга.

Теперь он заметил знакомые лица – Мисти, подругу Энджи, и еще несколько человек из торгового центра. Он не удивился, увидев Розу. Вчера он сидел рядом с ней на похоронах Джастина, помощника официанта, и посторонился, давая Розе выйти первой. Наверняка она спешит на следующие похороны, или навестить кого-нибудь из раненых, или отнести еду тому, кто пострадал и поправляется дома.

Такая уж она, Роза.

Полная противоположность трем убийцам.

Рид вышел из церкви. День стоял идеально летний. В ярко-голубом небе, в окружении легких белых облачков, ослепительно сияло солнце. Трава была изумрудной. По стволу

дерева взбежала белка.

Нереальная картина.

С другой стороны дороги на них целились видеокамеры и фотоаппараты репортеров.

В Риде шевельнулось было презрение, но разве он не вцеплялся в каждое слово, которое они сообщали, в каждую опубликованную ими фотографию?

Все же он обошел журналистов стороной и направился к своей машине, припаркованной в двух кварталах отсюда. А когда услышал свое имя, невольно пригнулся, прежде чем повернуть голову. Его плеча легко коснулась чья-то рука.

– Рид. Я офицер Макви.

Он смотрел на нее, не узнавая. Медовые волосы стянуты в упругий длинный хвост. Простая белая футболка и брюки цвета хаки. Она выглядела моложе.

– Извините, я вас не узнал без формы. Вы были на похоронах?

– Нет. Я ждала здесь. Я звонила вам домой. Ваша мать сказала мне, где вас найти.

– Я уже дал показания. Причем два раза.

– Я сейчас не на службе. Я просто... ну, хотела лично поговорить с теми, с кем общалась тем вечером. Для себя. Вы едете на кладбище?

– Нет, вряд ли мне там место. Ее семья и все такое. Я не очень хорошо знал Энджи. Я просто... Я хотел пригласить ее на свидание. Мы могли пойти на тот же самый фильм, на

последний сеанс и... Боже.

Дрожащими руками он поправил на лице темные очки.

– Может, сходим в парк? Посидим немного, посмотрим на воду? Мне это всегда помогает прийти в себя.

– Не знаю. Пожалуй. Да.

– Не против поехать со мной на машине? Потом я привезу вас обратно.

– Конечно.

Вспоминая эту встречу позднее, он удивился, почему пошел с ней. Он совсем ее не знал. Она была размытым лицом среди безумия и шока.

Но она там была.

Она была там, как и он.

Рид сел в машину, еще более древнюю и потрепанную, чем его собственная, только намного чище. И сообразил:

– Вы застрелили Хобарта!

– Да.

– Надеюсь, вас не уволили за это?

– Нет. Все в порядке. Завтра возвращаюсь к работе. Как твои родители?

– В шоке, но уже приходят в себя.

– А люди из твоего ресторана?

– Думаю, с ними сложнее. Мы там были и видели... Такое не забудешь. Но мы справляемся. Например, Роза... помните, шеф-повар? Она много что делает. Похороны, посещение больниц, разносит еду людям. Это ей помогает. На-

верное.

– А что помогает тебе, Рид?

– Не знаю.

Он ощущал ветерок на своем лице, через открытое окно – ветерок с воды.

Все было реальным. Мимо ехали машины, по тротуару женщина везла ребенка в коляске. Все реально.

Жизнь продолжалась.

И он продолжал жить. Ему повезло.

– Я много говорил с Чазом. С другом из «Гейм-стоп».

– Помню. Он многих спас. И ты тоже.

– Ребенка? Брэди? Его отец мне звонил. Хочет меня навестить, может, на следующей неделе. Он сказал, его жена поправляется.

Эсси какое-то время молчала. Как и Сиси, она верила в необходимость правды и доверия.

– Она выживет, но она парализована. Она не сможет ходить. Ты все равно узнаешь.

– Проклятье. Проклятье.

Рид закрыл глаза и прижался затылком к подголовнику.

– Я стараюсь слушать музыку или кидаю мяч на заднем дворе, но не могу перестать читать об этом и слушать новости. Не могу перестать...

– Ты был частью того, что произошло.

– Мои родители хотят, чтобы я с кем-нибудь поговорил. Знаете, с психиатром или типа того.

– Хорошая мысль. Мне предписано поговорить с психиатром. Правила департамента.

Рид снова открыл глаза и нахмурился.

– Вам нужно поговорить с психиатром?

– Уже говорила. С меня сняты подозрения... вернули к офисной работе. Поговорю с психологом департамента и через некоторое время приступлю к обычным обязанностям. Я не против этих встреч – я ведь убила человека. – Она припарковалась, заглушила двигатель. – Я спасала жизни, в том числе свою собственную и жизнь моего напарника. Но я убила семнадцатилетнего мальчика. Если я способна просто отмахнуться от этой мысли без капли сожаления, то я не должна быть полицейским.

Макви вышла из машины, подождала его.

Они прошли мимо детской площадки, вдоль берега и сели на скамейку. Наверху кружили и кричали чайки, а вода в заливе была синей, как небо.

По заливу скользили лодки, слышался детский смех. Мимо пробежала девушка со сногшибательной фигурой в обтягивающих шортах и майке.

– Правда, что говорят газеты и телевидение – что Хобарт был главным?

– Я сказала бы, что он, вероятно, был самым решительным, настаивал на исполнении плана. По-моему, все трое, как куски одной мерзкой головоломки, сложились вместе в самый неудачный момент. Пару месяцев раньше, пару меся-

цев позже, и Полсон, вероятно, не вписался бы.

Газеты и телевидение пересказывали то, что говорили о Полсоне соседи и учителя. Как они были потрясены. Спокойный парень, умный, всегда готовый помочь.

Чертов бойскаут.

Сейчас Энджи опускают в землю. Вчера в землю опустили мальчика, работавшего на своей первой летней подработке. И скольких еще.

– Я не думаю, что можно вот так убивать, просто убивать, как они, если в человеке что-то не нарушено. То есть, возможно... каждый способен убить, но как вы. Чтобы спасти жизнь, защитить людей. Ради самообороны или на войне. То, что делали они... для этого что-то внутри должно быть испорчено.

– Ты прав. Полагаю, учитывая прошлое Полсона и его семью, ему могли бы помочь. Но он связался с другими двумя, в самый неудачный момент, и все части головоломки соединились.

Рид слушал мягкий плеск воды, крик птиц, чье-то радио. И чувствовал, что все больше погружается в реальность.

– Как это было? Ну, когда вы его застрелили?

– До вечера прошлой пятницы я никогда не стреляла из своего оружия. Было страшно до чертиков. В основном только до и после. В ту самую секунду сработали тренировки и инстинкт. Он стрелял в моего напарника. Я видела вокруг мертвых и умирающих людей. Он стрелял в меня, и я просто

сделала то, чему меня учили. Устранила угрозу. Мой напарник... он упал, но не получил серьезных ран. В туалете была девочка. Первая позвонившая в «девять-один-один».

– Как ее... Симона Нокс.

– Да. Ты ее знаешь?

– Постоянно читаю и смотрю новости. Я запомнил ее имя.

– Она, как и ты, спасла жизни. Не растерялась, спряталась, позвонила в полицию. Мы с Барри... это мой напарник... стояли на парковке.

– Об этом я тоже читал. Вы были рядом.

– Повезло, что звонок Симоны пришел через минуту, может, две, после того как Хобарт распахнул дверь выхода. В тот вечер она потеряла подругу, а вторая подруга еще в больнице. Поправляется.

– Вы с ней тоже говорили.

– С ней, ее подругой Ми, Брэди и его отцом. – Вздохнув, Эсси подняла голову и подставила лицо солнечным лучам. – Мне это помогает. Хотелось бы думать, что помогает и им.

– Почему вы стали копом?

– Я люблю порядок. – Она улыбнулась, затем снова вздохнула, глядя на воду. – Я верю в закон, но мне нужно именно это сочетание. Закон и порядок. Правила, четкий порядок действий и возможность помочь людям. Я никогда не представляла, что окажусь в такой ситуации, как в пятницу, зато теперь знаю, что способна с этим справиться.

– Как вы стали копом?

Она повернула голову и приподняла бровь.

– Интересуешься этой работой?

– Может быть... Да, – осознал он. – Интересуюсь. Мне нравится в колледже. У меня хорошие оценки, однако я не особо думал о том, что делать дальше. Я тогда сказал Брэди, что мы ждем хороших парней. В общем, да, я хотел бы узнать, как стать полицейским.

К тому времени, как Эсси отвезла его к машине, у Рида впервые в жизни появился план. План был выкован из смерти, но он видел, как отсюда вырастает его жизнь.

Жизненная цель Селины Макмаллен – стать известным блогером – привела ее к церкви во время похорон. Как репортер сайта «Горячих новостей» с несколько сомнительной репутацией, она не пользовалась большим уважением со стороны собравшихся там журналистов.

Плевать. Однажды она станет знаменитее любого из них.

В средней школе, а потом в колледже она выработала в себе и наглость, и честолюбие. У нее не было сомнений, что она умнее любого из сверстников.

Да, у нее нет друзей, ну и что? Зато есть клиенты. Спасибо Джимми Роджерсу из восьмого класса, который помог ей встать на этот путь. Притворяясь, что она ему нравится, говоря ей комплименты – чтобы она доверчиво выполняла его домашние задания, пока он смеялся над ней за ее спиной, – он дал ей толчок к открытию своего дела.

Она стала выполнять домашние задания за деньги.

К окончанию средней школы у нее уже имелась неплохая записка, и она увеличила ее за годы колледжа.

После колледжа, с дипломом журналистки на руках, Селина получила работу в «Портленд пресс». Ненадолго. Редактор и коллеги оказались идиотами, и она не утруждала себя тактом.

Будущее ей виделось за Интернетом, и в двадцать четыре года Селина попала в «Горячие новости». Она работала в основном дома, и, поскольку считала свое нынешнее положение не более чем ступенькой к открытию собственного сайта, собственного успешного блога, терпела редакционное вмешательство и тупые задания.

Бойня в торговом центре «Даун-Ист» свалилась ей прямо в руки.

Селина вошла в торговый центр в поисках новых кроссовок за секунды до первых выстрелов. Она видела, как один из стрелков – Девон Лоуренс Полсон – прорубал в толпе кровавую просеку, и, прячась за стендом с картой торгового центра, достала из сумочки камеру и диктофон.

Потом она тщательно изучила все газеты, сети, сайты и репортеров.

А теперь выслеживала жертв и их родных. Подкупив санитаря, она сумела попасть в больницу, сделать несколько снимков пациентов и даже проскользнула в палату одной из пациенток, когда ту перевели из отделения интенсивной те-

рапии.

Диктофон в кармане Селины записал часть разговора между Ми-Хи Юнг и – вот удача! – Симоной Нокс, обеспечив материал для новой статьи.

По ее расчетам, еще пара человек – и она шагнет на следующую ступеньку.

Предложения уже поступают.

А теперь любовь к курению принесло новый улов.

Селина отошла подальше от толпы репортеров и, закурив, стала думать. Можно поехать на кладбище, когда церковная часть закончится, но много ли кликов даст очередная фотография людей в черном?

Кто-нибудь может упасть в обморок – как вчера мать погибшего парня. Но все это уже было. Старо как мир.

Она решила, что лучше поискать еще информацию о стрелках, и двинулась было к своей машине, когда заметила ту женщину-полицейского.

«Офицер Макви», – подумала Селина, прячась за дерево. Макви – девушка, застрелившая Джона Джефферсона Хобарта, – стала бы просто магнитом для кликов. Увы, Макви оказалась не из тех, кто желает сотрудничать. А прямо сейчас она стояла перед ней, похоже, стараясь не попасть на глаза репортерам.

Чего-то ждала.

«Интересненько», – подумала Селина и тоже стала ждать.

Вынесли гроб, и она сделала пару снимков длиннофокус-

ным объективом на случай, если не подвернется ничего лучше. Затем проследила, куда смотрит Макви, – и ей достался еще один приз!

Рид Квотермейн, парень, который спас сынишку пожарного – ребенка, у матери которого поврежден позвоночник.

Селина сделала несколько снимков: они разговаривают, потом вместе идут, потом садятся в патрульную машину. И пока другие репортеры направлялись на кладбище, Селина помчалась к своей машине.

Дважды она их чуть не потеряла. И хорошо, иначе коп могла бы ее заметить. Обдумывая будущий заголовок, Селина припарковалась на приличном расстоянии и следила за добычей из машины, пока те не сели на скамейку.

Довольная, что не зря потратила деньги на объектив, она приблизилась настолько, насколько посмела. Никто не запрещает просто гулять, просто фотографировать бухту и лодки.

Она не могла подойти достаточно близко, чтобы услышать их разговор – коп не захотела с ней говорить, – зато сделала отличные кадры.

«Новый мучительный день в Рокпойнте: смерть объединяет жертв бойни в торговом центре «Даун-Ист».

О да! Следующая ступенька не за горами.

Глава 5

Три года спустя

Симона перекатилась на край кровати, села и толкнула спящего рядом с ней мужчину.

– Тебе пора уходить.

Он невнятно промычал.

Она помнила, как его зовут, даже помнила, почему решила заняться с ним сексом.

Он был ухоженным, с хорошей фигурой. К тому же у него было интересное лицо, четкое, словно вырубленное из камня. Вылитый разбойник. Суровый преступник из вестерна.

Со временем она поняла, что у разовых связей есть преимущества перед страстями и хлопотами постоянных отношений.

А еще чуть позднее она поняла, что разовые связи навевают смертную тоску.

Парень по имени Ансель был одет только в тусклый свет, струящийся в окно.

Симона не задернула шторы – зачем? Ей нравилось смотреть на Нью-Йорк, и она не возражала, если кому-нибудь из жителей Нью-Йорка нравится смотреть на нее.

– Я хорошо провел время, – сказал он.

– Я тоже, – ответила она достаточно искренне.

– Я тебе позвоню.

– Отлично.

Позвонит, не позвонит... Не важно.

Поскольку она не удосужилась встать, он ушел сам. Услышав, как хлопнула дверь квартиры, Симона надела рубашку и вышла, чтобы ее запереть.

Затем направилась в ванную. Крошечная квартирка, которую они снимали на пару с Ми, могла похвастаться двумя спальнями и располагалась довольно близко к университетскому городку, что компенсировало подъем пешком на четвертый этаж, проблемы с горячей водой и немалое бремя ежемесячной арендной платы.

Зато они вместе, в Нью-Йорке. И порой забывали о призраке подруги, которой с ними не было.

Симона смыла с себя секс, подставила голову под слабые струйки чуть теплой воды. Она остригла волосы коротко, а недавно покрасила их в цвет спелого баклажана. И от этого чувствовала себя немножко другой.

Ей нравился Нью-Йорк, нравились толпы, спешка, шум, суета. И – наконец-то! – свобода от родительской критики, их требований и ожиданий.

Приехала она сюда для того, чтобы исполнить мечту Тиш.

Ей нравилось в Колумбийском университете, она усердно училась, чтобы туда попасть; но поступила сюда, чтобы стать частью мечты Ми.

Жить в заимствованной мечте все же лучше, чем оставаться дома, где все напоминало о беде. Где мать смотрела на ее выбор цвета волос с озадаченным неодобрением, а отец изучал ее встревоженным взглядом и делано небрежно спрашивал, как дела.

С ней все в порядке. Сколько раз повторять? Это Ми еще страдала от панических атак и ночных кошмаров. Впрочем, теперь уже реже.

С тех пор как Ми выписали из больницы, Симона не читала и не смотрела ничего, связанного с тем днем. Каждую годовщину она старалась вообще не читать газет и не смотреть телевизор, боясь наткнуться на какое-нибудь упоминание. Она приезжала домой только на зимние каникулы и на неделю летом и еще одну летнюю неделю проводила на острове с Сиси. Когда Симона не училась, она работала. Когда она не была на уроках или на работе, она развлекалась – усердно.

Выйдя из душа, Симона завернулась в полотенце из египетского хлопка, подарок матери, и всмотрелась в узкое зеркало над раковиной.

Все та же девушка с усталыми глазами и мокрыми волосами.

Она повесила полотенце и снова натянула рубашку. Выйдя из ванной, прошла на кухню, где Ми ставила чайник на двухкомфорочную плитку.

– Не смогла уснуть?

– Не спится. Я слышала дверь.

Распущенные волосы Ми лились по ее спине прямым черным дождем.

– Прости.

– Да не важно. Я его знаю?

– Вряд ли. – Симона достала две чашки. – Музыка была отличная, и он хорошо танцевал. Зря ты со мной не поехала.

– Мне нужно учиться.

– Да ты и так все знаешь.

– Потому что учусь.

Симона молчала, пока Ми заваривала чай.

– Что-то произошло?

– Меня приняли в летнюю исследовательскую программу.

– Замечательно... как прошлым летом? Доктор Юнг, биомедик!

– Стремлюсь. Нет, не совсем так, как прошлым летом. Программа – в Лондоне.

– Ни черта себе, Ми! – Симона, схватив подругу в объятия, затанцевала с ней по кухне. – Лондон! Ты едешь в Лондон!

– Только в конце июня, и... родители просили меня сначала приехать домой. Побывать с ними после окончания семестра и перед отъездом в Лондон. Я не вправе отказаться.

– Ладно. – Симона слегка погрустнела.

– Поедем со мной домой. Поедем домой, Симона?

– У меня работа...

– Да ты ненавидишь эту работу! – перебила ее Ми. – Работать официанткой в кафе можно где угодно. Хотя в универе у тебя все хорошо, ты здесь несчастлива. И ты занимаешься сексом с парнями, которые не делают тебя счастливой.

– Рокпойнт тем более не сделает меня счастливой.

Ми, грациозная как гимнастка, вернулась за стол, чтобы допить чай.

– Так найди то, что сделает! Ты здесь из-за меня и Тиш, а меня все лето не будет. Ты должна найти то, что сделает тебя счастливой. Твои картины... Не надо так! – рявкнула она, когда Симона закатила глаза. – У тебя талант.

– Это у Сиси талант. А я просто балуюсь.

– Так перестань баловаться! – снова рявкнула Ми. – Перестань баловаться, перестань валять дурака, перестань трахаться!

– Ну и ну... – Симона взяла свою чашку с чаем, которого больше не хотела, и откинулась на табуретке, прислонясь спиной к древнему холодильнику. – Мне нравится баловаться, валять дурака и трахаться. Я не хочу тратить свою жизнь на учебу и сидеть в лаборатории, чтобы скрываться от жизни. У тебя-то когда в последний раз был секс?

– Ты отработываешь за нас обеих.

– Может, если бы ты переспала с кем-нибудь, то перестала бы быть такой стервой. Ты не ходишь на вечеринки, не ходишь в клубы, у тебя уже много месяцев не было свиданий. Только учеба, лаборатории и эта чертова квартира. Сама-то

ты счастлива?

Ми сжала одну руку в кулак и проговорила с горящими глазами:

– Я хочу чего-то добиться в этой жизни. Я не умерла, и я собираюсь чего-то добиться. Я счастлива – иногда почти, иногда немножко. А моя лучшая подруга отталкивает все, что ей дается.

– Я хожу на лекции, хожу на работу, в клубы. Что я отталкиваю?

– Ты ходишь на лекции, но ничем не интересуешься, словно отбываешь повинность. Ты ходишь на работу, которая ничего для тебя не значит, и не стремишься найти свое. – Слова хлынули из Ми, как вода из прорвавшейся дамбы. – Ты ходишь в клубы, потому что боишься остаться одна, не можешь сидеть в тишине больше часа. И водишь к себе парней, с которыми не собираешься видеться снова. Не позволяешь себе сблизиться с кем-то, к кому-то привязаться... это и есть самое идиотское отталкивание всего на свете!

Симона ухмыльнулась.

– Я была чертовски близка с парнем, который только что ушел.

– Как его зовут?

Анхель, Адам... черт...

– Ансель! – вспомнила она.

– Тебе пришлось напрячься, чтобы вспомнить. Ты привела его домой, занималась с ним сексом и через час забыла

его имя.

– Ну и что, черт возьми? Если я такая шлюха, какое тебе до этого дело?

– Потому что ты, черт возьми, *моя* шлюха!

Симона открыла было рот... и расхохоталась. Ми, со слезами ярости на глазах, посмотрела на нее и возмущенно фыркнула.

Игнорируя недовольство на лице подруги, Симона отсалютовала ей кружкой с чаем.

– Прикольная надпись на футболке, – свободной рукой она указала себе на грудь. – «Ми-Хи-на шлюха».

Утирая слезы с глаз, Ми тихо рассмеялась.

– И ты бы носила ее с гордостью.

– Почему нет?

– О черт, Сим. – Ми поставила чай, потерла лицо руками. – Я тебя люблю.

– Я знаю, знаю.

– Ты зря тратишь время, посещая занятия, которые ты с тем же успехом могла бы проспять.

– Мне никогда не быть гребаным биомедицинским инженером, Ми. Большинство студентов все еще не знают, кем стать.

– Единственные занятия, к которым ты проявляешь интерес, связаны с искусством. Сосредоточься на этом и разберись в себе. Ты попусту тратишь время на нелюбимой работе, хотя со своими способностями могла бы управлять мага-

зином.

– Я не хочу управлять магазином. Многим людям не нравится их работа. Но мне нужно работать, чтобы оплачивать счета.

– Тогда найди работу, которая тебе понравится. Ты тра-
тишь себя на секс с мужчинами, которые тебе не интересны.

Симона смахнула слезы.

– Я не хочу сейчас ни к кому привязываться. И не знаю, смогу ли когда-нибудь. Я привязана к тебе и к своей семье; на большее меня не хватает.

– Я ценю тебя гораздо выше. Выходит, хорошо, что я все время тебя пилю.

– Ты в этом мастер.

– Президент Клуба Пил... Проведи лето дома, Сим. По-
ложим на пляже, пока я не уеду в Лондон. Сможешь пооб-
щаться с Сиси, даже съездить с ней в тур по Европе, как она
хотела, когда ты заканчивала школу. Сдадим квартиру в суб-
аренду. Не оставайся здесь одна.

– Я подумаю.

– Ты всегда так говоришь, когда хочешь меня заткнуть.

– Слушай, я устала, а в восемь мне нужно быть на нелю-
бимой работе. Дай немного поспать.

Кивнув, Ми вылила недопитый чай в раковину. Симоне
было знакомо ее молчание – в нем читалось беспокойство.

– Вместе? – предложила она.

Плечи Ми облегченно расслабились.

– Было бы здорово.

– Тогда пошли в твою девственную постель... по очевидным причинам. – Она обняла Ми, и они пошли в ее спальню. – Аарон оставил мне свой номер. Может, у него есть друг.

– Ты говорила, его зовут Ансель.

– Вот черт.

Они забрались в кровать Ми, прижались друг к другу.

– Я скучаю по ней, – пробормотала Ми.

– Знаю. Я тоже.

– Наверное, я бы по-другому чувствовала себя в Нью-Йорке, если бы она была с нами. Если бы Тиш была с нами, мы были бы другими.

«Все было бы иначе», – подумала Симона.

Она видела в мечтах, как сидит с Ми в зрительном зале и смотрит на Тиш, живую и веселую. На сцене. В свете софитов.

Она видела в мечтах Ми за работой в лаборатории, умную и деловую, в ослепительно-белом халате.

Потом мечты обратились на нее саму, и Симона увидела себя на плоту, дрейфующем в тихом море. Дрейфующем в никуда.

Вернувшись в реальность, она осознала, что подает студентам дорогущий кофе, за который они расплачивались кредитками родителей, – и все равно при этом скупилась на чаевые.

Потом, осознав, что уже второй раз за неделю моет унитазы в унисекс-туалете, Симона внимательно посмотрела на себя в зеркало.

Она знала, что козел-менеджер сваливает на нее уборку туалета вдвое чаще, чем на кого-либо другого, потому что она не согласилась заняться с ним сексом (женат, сорок лет, волосы в хвостик, так что тьфу).

«К черту все это», – сказала себе Симона.

Она вышла из туалета, пахнущего хлоркой и фальшивыми лимонами, в несмолкаемый гул кофемашин, болтовни о политике и жалоб на бойфрендов.

Сняла дурацкий красный фартук, который ей приходилось стирать за собственные деньги, достала сумочку из маленького шкафчика, арендная плата за который тоже вычиталась из ее жалкой зарплаты.

Козел-менеджер ухмыльнулся:

– На перерыв тебе рано.

– Время моих перерывов прошло. Я увольняюсь.

Она вышла на улицу, наполненную шумом и яркими красками, и ощутила то, чего давно не испытывала. Счастье.

Спустя шесть месяцев после окончания академии, Рид патрулировал улицы вместе с Быком Стоквеллом. Прозвище Бык офицер Тидас Стоквелл получил не только за мощное телосложение, но и за характер. Прослужив пятнадцать лет в полиции – считай, ветеран, – Бык обожал сквернословить

и говорил, что его нос способен учуять вранье с расстояния двух миль.

Несколько «красных тряпок» приводили Быка в ярость, в их числе: все, что он считал антиамериканским, придурки разных мастей и ублюдки. Главными кандидатами в ублюдки для него были те, кто обижал детей, женщин или животных.

Он не голосовал за Обаму – он вообще никогда в жизни не голосовал за демократов и не видел причин отклоняться от принципов. Но поскольку этот человек был президентом Соединенных Штатов, то он пользовался его уважением и лояльностью.

Бык ни в коей мере не был расистом. Он знал, что придурки и ублюдки бывают всех цветов и вероисповеданий. Суматохи с геями он не одобрял, однако никого и не осуждал. Мол, если хочешь кого-то, кто скроен точно так же, как ты, – дело сугубо твое.

Оставив за плечами два развода, от первого брака Бык имел десятилетнюю дочь, которую буквально боготворил. И очень любил одноглазого и хромого кота, которого спас после облавы на наркопритон.

Он постоянно ворчал на Рида, говоря, что тот слишком медлителен, слишком «студентик» и вообще неумеха. Зато за шесть месяцев с начала работы Рид узнал больше нюансов полицейской работы, чем на всех курсах в колледже и в Академии.

В первую очередь он выяснил, что, приехав по вызову о

домашнем насилии, нужно встать между нарушителем (мужчиной) и Быком, не дожидаясь, когда «красная тряпка» разъярит последнего.

Поэтому, когда они подходили к дому, который уже четырежды по этой причине посещали, Рид готовился так и поступить.

– Теперь у нее есть защитный ордер, так что им займусь я. – Рид вспомнил, что женщина, о которой шла речь (некая Ладонна Грей) приняла своего мужа (некого Вика Грея) обратно после синяка под глазом и разбитой губы, а затем и после перелома руки, и супружеского изнасилования.

Но третий инцидент, когда он избил ее до потери сознания и выбил два зуба – спустя два месяца после того, как она родила ему сына, – стал основанием судебного ордера, запрещающего ему к ней приближаться.

– Если он только пальцем тронул ребенка... – Бык подтянул штаны, топая по заснеженной дорожке к двери.

Из соседнего дома выбежала женщина.

– Он ее убивает! Клянусь, в этот раз он ее точно убьет!

Теперь Рид услышал – ругань, визг, вопли ребенка.

Он успел только подумать: «Вот дерьмо».

Входная дверь была взломана. Стол в гостиной был перевернут, лампы разбиты. Наверху так вопил младенец, словно ему за шиворот бросили лед. Однако крики, ругательства, рыдания и глухие удары неслись из задней части дома.

Рид опередил Быка – ноги моложе, длиннее – и успел за-

метить, как Вик Грей выскочил из дома через заднюю дверь. Женщина лежала на полу кухни, стонала, плакала, вся в крови.

– Я его догоню! – Рид выбежал во двор, на бегу сообщая по рации: – Офицер Квотермейн преследует подозреваемого в насилии. Подозреваемый – Виктор Грей, белый мужчина, двадцать лет, бежит на юг по проспекту. Рост – метр семьдесят семь, вес – восемьдесят один килограмм. Одет в черную куртку, красную кепку, джинсы. Сворачиваю на восток к Мерсер.

Оставляя следы в глубоком снегу, Грей пересек двор и перелез через забор.

Выдыхая облака пара – жаль, на нем форменные ботинки, а не кроссовки, – Рид перемахнул через забор. Услышал женский крик и прибавил скорость. Недаром в старших классах он был в беговой команде.

Во дворе дома, возле недолепленного снеговика, на снегу растянулась женщина. Из ее носа текла кровь, она обнимала плачущего малыша.

– Он пытался забрать моего ребенка!

Рид продолжал бежать. Увидев, как Грей снова повернул на восток, сообщил об этом по рации.

Перелез через второй забор. Грей бежал к открытой двери дома, откуда доносились музыка и женский смех.

Донесся женский голос:

– Не хочу я смотреть, как ты почистил веранду от снега.

Закрой дверь. Холодно!

Рид подумал: «Нет, я не дам тебе добраться до двери, ты больше никому не причинишь вреда».

Рид не стал звездой футбола, как мечтал его отец, но он умел делать подкат. Прыгнув вперед, он ухватил Грея за колени на маленькой веранде возле открытой двери, и беглец смачно приложился физиономией о каменный пол.

– Эй, какого хрена! – Из дома выглянул мужчина с бокалом в одной руке и айфоном – в другой. – Господи Иисусе, парень весь в крови. Я это сниму. Типичный полицейский беспредел!

– Давай снимай, – вытаскивая наручники, просипел Рид. Он и сам крепко приложился грудью о пол. – Давай сними этого мудака, который избил свою жену до полусмерти, напал на другую женщину и пытался взять ее ребенка в заложники. А сейчас мчался прямо к тебе домой... Я его взял, – сообщил Рид по рации. – Подозреваемый задержан, может понадобится медицинская помощь. Какой здесь адрес?

– Я не обязан...

– Заткнись, Джерри. – Женщина, которая недавно смеялась, оттолкнула мужчину в сторону. – Гилрой-плейс, 5237, офицер.

– Мы на заднем дворе Гилрой-плейс, 5237. Спасибо, мэм. Виктор Грей, вы арестованы за нанесение побоев. – Он застегнул наручники на запястьях Грея. – А также за попытку похищения ребенка, сопротивление при аресте и нарушение

условий запретительного судебного ордера.

– У этого человека есть права.

Рид поднял глаза.

– Вы адвокат, сэр?

– Нет, но я знаю...

– Тогда перестаньте вмешиваться в дела полиции.

– Вы находитесь на частной территории.

– На моей территории, – отчеканила женщина. – Поэтому, Джерри, заткнись. У вас тоже кровь, офицер.

Он ощутил вкус крови во рту, чувствовал липкую кровь на саднящих ладонях.

– Я в порядке, мэ. Виктор Грей, вы имеете право хранить молчание...

Когда он зачитывал «правило Миранды», Джерри ухмыльнулся:

– Наконец-то.

– Так не адвокат? – Рид поднял Грея на ноги. – Просто говнюк?

– Я подам жалобу!

– Ну все. Уходи. Уходи из моего дома, Джерри!

Пока они ссорились, Рид услышал сирены. Поскольку женщина, казалось, полностью владела ситуацией, Рид повел Грея вокруг дома, к выезду на дорогу.

– Я подам в суд на твою гребаную задницу, – пробормотал Грей.

– Давай, Вик, попробуй.

У Ладонны Грей было три сломанных ребра, сломанное запястье, сломанный нос, два фингала, разбитая скула и внутренние повреждения. Ее сын не пострадал.

Шеридан Боббетт, которая у себя во дворе играла с двухлетним сынишкой, получила легкие травмы, у ребенка – синяки на руках и плечах. Грей ворвался к ней во двор, сбил с ног, попытался вырвать сына из ее рук, но убежал, когда преследовавший его полицейский перелез через забор.

Элоиза Мазерсон, жительница дома 5237 по Гилрой-плейс, свидетель проникновения на частную территорию и ареста, показала, что она видела через раскрытую дверь человека, опознанного как Виктор Грей, бежавшего к ее дому, видела, как офицер схватил его всего в паре шагов от ее двери и удерживал, пока тот пытался сопротивляться. Она выразила благодарность офицеру, не позволившему преступнику проникнуть в ее дом.

И тайком оставила Риду свой номер телефона.

Бык свалил на Рида составление отчетов – участь новичков. И Рид подслушал, как он звонил в больницу, чтобы узнать о состоянии Ладонны Грей.

К тому времени, как Рид подал отчеты начальству, видео с телефона Джерри-говнюка попало в местные выпуски новостей.

Рид невозмутимо слушал его возмущения – участь всех копов, – лишь немного поморщился от вида холодной ярости на его лице, и подумал, что за «говнюка» ему, конечно,

здорово влетит от командира.

– Ты уже попал в Интернет, Квотермейн. – Другой коп указал на экран компьютера. – Блог Макмаллен.

– Вот черт.

– Она тут называет тебя молодым красавцем и...

– Чего еще?

– Упоминает центр «Даун-Ист». Да не парься, друг. Никто не читает ее чушь.

Все читают, подумал Рид. В том числе копы. И многие читали книгу, которую она выпустила год назад. «Бойня в «Даун-Ист». Ее популярность сделает проклятое видео вирусным.

Он понял, что слухи уже разлетелись, когда Эсси – теперь детектив Макви из Портлендского полицейского управления – помахала ему из коридора и зазвала в пустую комнату.

– Ты в порядке?

– Да, конечно.

– А след есть. – Она тронула пальцем его ушибленную челюсть.

– Стукнулся о затылок паршивца во время задержания.

Пройдет.

– Приложи лед. Пресса немного порезвится на этой теме. Типа юный герой из «Даун-Ист» стал героем-полицейским.

Он взъерошил свои слегка выющиеся волосы – остриженные по-полицейскому коротко, как настаивал сержант.

– Черт, Эсси...

– Переживешь. Сержант пропесочит тебя за «говнюка», но и он, и каждый полицейский в Портленде и пригородах мысленно тебе поаплодируют. Не беспокойся об этом. И не беспокойся о Макмаллен и прочей прессе. Не лезь на рожон и просто делай свою работу.

– Я и делал, – кивнул Рид.

– Вот именно. На видео того говнюка был полицейский, выполнявший свою работу, сохраняя полное самообладание и контроль – ну, кроме невольной вырвавшегося ругательства. Которое, как также показывает видео, было вполне заслуженным. Ты все сделал правильно, и я хотела, чтобы ты услышал это от меня, поскольку я имела некоторое отношение к тому, чтобы ты надел эту форму.

– Не некоторое, а большое! Я тогда чувствовал... что я просто должен его схватить. Когда я увидел истекающую кровью женщину, я не мог позволить ему уйти. Не из-за воспоминаний. Хотя чувство было похоже на то, когда я знал, что обязан спрятать того мальчика.

– Инстинкт, Рид. – С одобрительной улыбкой она легко коснулась его ушибленной челюсти. – Продолжай им пользоваться и учись у Быка. Он настоящий коп, несмотря на все его закидоны.

– Да, он задает мне жару... но я не жалуясь. С Ладонной Грей он был мягок, как пастор. Думаю, я научился у него, как обращаться с пострадавшими, чтобы они чувствовали себя менее пострадавшими.

– Хорошо сказано. Придешь ко мне на ужин на следующей неделе?

– Не откажусь. Ты еще встречаешься с тем профессором?

– Ну какой же ты коп? – Эсси подняла левую руку и пошевелила пальцами, показывая кольцо.

– Ничего себе! – Рид потянулся было к ней и тут же замер. – Я не могу обнимать детектива в полицейском участке. Подожду. А он везунчик.

– Еще бы. Ладно, захочешь поговорить, звони, ты знаешь мой номер. Я напишу тебе насчет ужина.

Рид пошел переодеваться. Его рабочий день закончился еще до того, как он подал отчеты. В раздевалке Бык вешал в шкафчик свою форменную куртку.

– Закончил целоваться с детективом из конторы?

– Ее нельзя целовать. Она только что обручилась.

– А-а. Копам вообще не следовало бы жениться. – Он натянул простую белую футболку. – Ты назвал того парня говнюком, зная, что он тебя записывает?

– Это видно на записи, так что глупо было бы отрицать.

– Ладно. – Глядясь в зеркало в шкафчике, Бык провел рукой по своей короткой стрижке. – Думаю, я куплю тебе пива. Пожалуй, из тебя все-таки может выйти неплохой полицейский.

Глава 6

Патрисия Джейн Хобарт читала новый пост в блоге Макмаллен, поглощая из миски овощные палочки с хумусом.

Она росла упитанным ребенком. Мать постоянно баловала дочь печеньем, пирожными и «M&M's». Ее интересы – компьютер, чтение, телевизор и иногда видеоигры – хорошо сочетались с ее аппетитом.

За чтением триллера, детектива, сентиментального романа или тренировкой хакерских навыков она часто съедала целую упаковку печенья «Орео» (с двойным кремом, охлажденные в холодильнике) и выпивала литр кока-колы.

Пока отец (неудачник-деревенщина) и мать (несчастливая идиотка) воплями и криками рушили свой брак, Патрисия находила удовольствие в том, чтобы настраивать их друг против друга и пожинать плоды еще большего хаоса – и еще большего количества печенья.

В двенадцать лет она весила семьдесят три килограмма при росте метр пятьдесят семь.

Она стравливала между собой учителей в школе и соседей так же ловко, как родителей, и убедительно носила маску ребенка-стойка, над которым издеваются сверстники. Сверстники и правда издевались; она приветствовала это и использовала к своей выгоде.

Пока взрослые баловали ее и жалели, она замышляла и

приводила в действие месть с хитростью и сосредоточенностью, которым позавидовал бы сотрудник ЦРУ.

Мальчик, дразнивший ее «свинкой Патти», полетел головой вперед со своего велика «Швинн», когда порвалась цепь, над которой она поработала. Сломанную челюсть, выбитые зубы, пребывание в больнице и тысячи долларов за услуги стоматолога, которые пришлось выложить родителям мальчишки, она сочла почти достаточным наказанием.

Девчонка, укравшая ее трусы, пока Патрисия была в душе после спортзала, и прикрепившая их к рисунку слона на доске объявлений, едва не умерла, когда арахис, который Патрисия измельчила и подкинула в ее термос с горячим какао, вызвал у нее анафилактический шок.

К подростковому возрасту Патрисия стала виртуозом мести.

Иногда она прибегала к помощи брата, единственного человека в мире, которого любила почти так же сильно, как саму себя. Иногда она включала его в свои планы мести, а несколько планов она разработала для него, чтобы их связь осталась крепкой и после развода родителей.

Ее бесило, что Джей-Джей живет с их никчемным отцом. Хотя было ясно почему. Там он мог спокойно притаскивать домой пиво и травку, пока ей приходилось сидеть с их плаксивой мученицей-матерью.

Но Джей-Джей от нее зависел. Он не отличался большим умом и был слишком несдержанным; ей приходилось напо-

минать ему, что наказания сработают лучше, если их тщательно продумать.

И ей нравилось тщательно продумывать наказания.

В свои семнадцать брат слишком часто и явно показывал себя миру как злого агрессивного зверя. А за тихим фасадом Патрисии, играющей «несчастную девочку с лишним весом», скрывалась хитрая и жестокая психопатка.

Прекрасно зная, что мальчишки-подростки – а она считала всех мужчин задержавшимися на этом уровне – сунут свои члены во что угодно, Патрисия занималась сексом и с Уайтхоллом, и с Полсоном. Отличный способ держать их под контролем – полезные инструменты – и создать иллюзию того, что это они ее контролируют.

Она продумала план. Массовый расстрел, который потрясет не только общество, которое она презирала, но и весь город, всю страну. Несколько месяцев ушло, чтобы выбрать подходящее место, отточить каждый шаг, проверить оружие.

Она никому об этом не говорила – даже Джей-Джею, – пока не остановила выбор на торговом центре. Там собирались стайками хихикающие девчонки, которые обращались с ней как с грязью. Там идеальные родители со своими идеальными детками ели пиццу и ходили в кино. Там старики, которым давно пора помереть, разгуливали в мерзких спортивных костюмах.

Торговый центр – идеальное место для расплаты со всеми, кого она презирала.

Патрисия все рассказала Джей-Джею, потребовав, чтобы он поклялся хранить это в тайне. «Никому не говори, нигде не пиши о том, о чем мы говорили». Когда придет время, когда она спланирует каждую деталь, учтет все обстоятельства, – только тогда они привлекут к делу двух его приятелей.

Она исходила торговый центр вдоль и поперек, позволяя гадким старикам заговаривать с ней и гладить ее по голове, словно собачку. Она фотографировала, составляла карты, изучала систему безопасности. Даже похудела немного. Потом направила Джей-Джея поработать в торговом центре неполный рабочий день.

Он выбрал кинотеатр.

По ее расчетам, операция «Рожденный убивать» должна была начаться в середине декабря, что сулило максимальную отдачу, учитывая праздничные толпы.

Они положили бы сотни людей.

Однако Джей-Джей решил по-своему. И ее даже не предупредил. Поддался своим импульсам.

Патрисия узнала о стрельбе в торговом центре из срочных новостей, когда прервали повторный показ сериала «Друзья».

Она тут же кинулась уничтожать все записи, карты, фотографии, каждый клочок бумажки – итог ее полугодовой работы. Спрятала ноутбук в полуразвалившемся сарае соседа.

Ноутбук она купила исключительно для проекта «Торговый центр» за наличные, когда навещала бабушку и дедушку

в их шикарном доме в Рокпойнте.

Разумеется, к ним придут копы. Станут расспрашивать ее и мать, обыскивать их жалкое съемное жилье сверху донизу. Будут говорить с соседями, учителями, другими учениками школы.

Потому что Джей-Джея поймают. Даже если бы он последовал ее плану, его все равно бы поймали. Однако он никогда ее не выдаст, а вот двое его приятелей...

Но у полицейских не будет ничего, кроме слов двух идиотов против слова пятнадцатилетней девушки, прилежной ученицы без единого замечания от учителей.

В ожидании следующего выпуска новостей Патрисия продумывала, что будет говорить, как реагировать – каждое свое слово, каждое выражение лица, каждый жест.

Шок и глубокое неподдельное горе свалили ее на пол, когда мрачный репортер объявил, что все трое стрелков убиты.

Только не Джей-Джей! Не единственный человек в мире, который ее по-настоящему знал и которому было на нее не плевать.

Горе выразилось в одном протяжном вопле. Затем она подавила его. Оставим это для полиции. Прибережем для идиотки-матери, когда копы вызовут ее домой с работы – уборки офисов лживых адвокатов.

Горе – для камер.

Когда они придут, когда они ее допросят, когда обыщут дом сверху донизу и поговорят с соседями, они увидят пят-

надцатилетнюю девушку, убитую горем.

Девушка будет цепляться за мать и рыдать. И выглядеть настолько же невинной, насколько был виновен ее брат.

Как и ожидалось, мать совсем потеряла голову, а отец в ярости схватился за бутылку, от которой никогда не отлипал. Патрисия попросила одного из адвокатов офиса, где убиралась ее мать, помочь ей написать заявление для прессы, выражающее их ужас, заявление, со слезами на глазах настаивала она, в котором они приносят свои извинения всем-всем.

И поскольку ее родителям это было не по силам, Патрисия сама зачитала заявление сквозь глухие рыдания.

Им пришлось переехать. Она спрятала ноутбук в коробке с мягкими игрушками.

К сожалению, они не могли уехать далеко – матери была нужна работа. Патрисия закончила среднюю школу с репетитором – платили ее богатые бабушка и дедушка по отцовской линии.

Она держалась неприметно и планировала месть, собираясь подавать ее ледяной.

В восемнадцать лет Патрисия весила пятьдесят килограмм при росте метр шестьдесят пять.

В семье объясняли такую потерю веса стрессом и горем; на самом деле Патрисия упорно работала, чтобы превратить себя в гибкое оружие.

Ей многих требовалось убить, и на каждого она собирала досье.

Но сначала нужно закончить колледж.

При отличных оценках и остром уме у нее был широкий выбор; она остановила его на Колумбийском университете, поскольку две ее мишени (одна из них – главная) поступили туда же.

Как лучше следить за человеком, которого она считала виновным в смерти брата?

Без Симоны Нокс полицейские не добрались бы до него так быстро, и та женщина-коп не вошла бы в кинотеатр и не убила бы брата.

Он вышел бы оттуда живым, если бы не Симона Нокс.

Патрисия уже тысячу раз могла убить Нокс и завершить работу Джей-Джея над маленькой азиаткой. Однако блюдо пока недостаточно остыло.

И эти двое будут далеко не первыми, кто заплатит.

В изначальном рейтинге мести Патрисия ставила на первое место своих родителей. Теперь, сидя в квартире-студии, за которую платили ее дедушка и бабушка, и читая блог Макмаллен, Патрисия пересмотрела свой рейтинг.

Ни женщина-коп, ни мальчишка-герой не должны стать первыми. Они стояли в рейтинге слишком высоко, чтобы быть убитыми так быстро. Лучше выбрать кого-то менее важного, провести своего рода тренировку.

В квартире через дорогу от главной мишени, жуя овощные палочки с хумусом, она начала процесс отбора.

22 июля 2005 года Роберте Флиск было тридцать шесть лет. Она пришла в торговый центр с сестрой и юной племянницей, чтобы проколоть уши десятилетней Кейтлин и потом отпраздновать это мороженым. Но когда Кейтлин, с крохотными золотыми гвоздиками в ушах, Шелби с пакетом дорожущего чистящего средства и Роберта вышли из ювелирного бутика, все изменилось.

Роберта задержалась у киоска, чтобы купить своему маленькому сыну пляжные игрушки для выходных у бабушки с дедушкой. Они с мужем планировали провести выходные на острове Маунт-Дезерт в надежде дать второй шанс затухающему браку.

Позже Роберта будет рассказывать полиции, родным, репортерам, как увидела парня, опознанного как Кент Фрэнсис Уайтхолл, входящим в торговый центр, когда она, ее сестра и племянница шли к той же двери.

Она думала, что на нем маскарадный костюм для какого-нибудь мероприятия в центре. Пока он не поднял винтовку. Ее сестра стала первой жертвой.

Когда она упала, Кейтлин, закричав, упала рядом с матерью. Роберта бросилась на них, пытаясь закрыть собой племянницу и сестру. Уайтхолл выстрелил в нее дважды – в левое плечо и левую ногу – и отправился дальше.

Сестра умерла, племянница осталась без матери, а собственные травмы Роберты потребовали двух операций и месяцы терапии – как физической, так и эмоциональной.

Она стала активистом и боролась за регулирование прав владения огнестрельным оружием. Она помогла запустить организацию активистов «За Шелби», посвященную «безопасным, разумным решениям». Их веб-сайт и страница в Фейсбуке ежедневно оглашали количество смертей с применением огнестрельного оружия в стране – убийства, самоубийства, несчастные случаи.

Ее брак распался, став еще одной жертвой «Даун-Ист».

Она выступала с речами, организовывала митинги и марши, появлялась на телевидении – и всегда на ней был медальон в виде сердечка с фотографией сестры.

Из трагедии Роберта вышла воином, ее имя, лицо и голос стали узнаваемы не только на местном, но и национальном уровне.

И по этой причине она идеально соответствовала критериям Патрисии.

Целый месяц Патрисия следила за ней, делала заметки и фотографии, выстраивала планы. Вернувшись в Рокпойнт на большую часть лета, якобы для того, чтобы погостить у бабушки с дедушкой, вела скрупулезные записи привычек и распорядка дня Роберты.

В итоге все оказалось до смешного легко.

Однажды рано утром, перед рассветом, она выскользнула из дома бабушки и дедушки и пробежала полмили до дома одной из бабушкиных подруг. Надев короткий светлый парик и латексные перчатки, вытащила запасной ключ от ма-

шины из магнитного ящика за колесом. Осторожно, соблюдая скоростной режим, доехала до тихого района Роберты, там припарковалась и достала из рюкзака пистолет и глушитель – взятые у отца во время одной из его пьяных отключек.

На рассвете, точная как часы, Роберта вышла из задней двери своего дома. Обычно она пересекала двор и выходила через ворота соседней на улицу, где встречалась с кем-нибудь из двоих своих товарищей по бегу.

Но сегодня утром ее дожидалась Патрисия.

Когда она вышла из-за могучего красного клена, Роберта, поправляя наушники, удивленно взглянула на нее. Патрисия сделала два быстрых выстрела в грудь. Глушитель превратил выстрелы в безобидные хлопки. Третий выстрел – смертельный, в голову – прозвучал громче, но он был необходим.

Патрисия достала из рюкзака заготовленное послание и бросила его на тело Роберты.

ВОТ ТЕБЕ ВТОРАЯ ПОПРАВКА, СУКА!

Она подобрала гильзы и спрятала пистолет с глушителем в рюкзак.

В восточной части неба заиграли красные и розовые полосы света.

Патрисия вернула ключ на место. Спрятав в рюкзак парик и перчатки, достала наушники, воткнула их в уши и побежала. Она чувствовала... да ничего особенного не чувствовала. Ни восторга, ни потрясения. Просто хорошо выполнила домашнее задание.

Она бежала трусцой – как взяла в привычку с тех пор, как заметила утренний распорядок Роберты. Слушала новости по радио и рассуждения о том, что Роберта стала мишенью для фанатика, помешанного на праве владения оружием.

Теперь надо снова ждать.

Ждать, строить планы, изучать. С проверочным тестом она справилась. Убивать оказалось легко, если составить грамотный план и четко его придерживаться.

Она вошла в булочную. Продавец Кэрол приветливо улыбнулась.

– Привет, Патрисия. Ты точна, как часы.

– Прекрасный день! – улыбаясь, ответила Патрисия. – Мне три яблочных маффина.

– Держи. Как мило с твоей стороны каждый день принести угощение для бабушки и дедушки.

– Это самые лучшие в мире бабушка и дедушка. Не знаю, что бы я без них делала.

Патрисия достала деньги из бокового кармана рюкзака, пристроила пакет с маффинами рядом с париком и пистолетом.

Она вернулась домой, спрятала парик, перчатки, пистолет и глушитель. Затем приняла душ, отнесла маффины на кухню и положила их в миску на барной стойке.

Она только отпила кофе, когда вошла бабушка.

– Ты уже побегала! – как обычно умилилась она.

– Встала вместе с солнцем. Какое великолепное утро!

Принесла яблочных маффинов, бабуля.

– Ты нас балуешь, детка. Ужасно балуешь.

Патрисия улыбнулась. Когда они наконец помрут, ей достанется их состояние.

А с их состоянием она сможет сделать очень многое.

В тот вечер Эсси и ее жених устроили барбекю на заднем дворе дома, на покупку которого она себя уговорила, когда стала детективом. Дом здорово урезал ее бюджет, но как же она была счастлива иметь свой симпатичный домик с тремя спальнями и маленьким уютным двориком!

Теперь, когда Хэнк к ней переехал, бюджет мог дышать чуть полегче – и счастья стало еще больше.

Сейчас ее двор был полон копов и учителей, родных и соседей. И все удивительно хорошо ладили.

Хэнк, с аккуратной бородкой, в строгих очках и в фартуке с надписью «Готовлю за секс», трудился у гриля. Еще он приготовил картофельный салат, фаршированные яйца и несколько гарниров. Эсси чистила, резала и шинковала, но фартук Хэнка говорил правду – он показал себя чертовски умелым поваром.

Она налила себе «Маргариту» и смотрела, как любимый мужчина перешучивается с ее бывшим напарником.

Они с Барри не перестали быть друзьями, когда она променяла форму на золотой значок. Приятно видеть, как хорошо коп, которого она любит и уважает, ладит с ее мужчиной.

Она и сама очень быстро поладила с профессором Колесоном, знатоком Шекспира, в учительских очках в роговой оправе.

Она не искала любви и пошла на свидание вслепую (свое первое и последнее) лишь потому, что на этом настаивала подруга.

За аперитивом он ее заинтересовал, во время основного блюда она стала с ним искренней, к десерту она его захотела.

И после ее приглашения на «ночную чашечку чая» – слова, которые она никогда прежде не использовала, – они оказались в постели.

Утром он приготовил ей завтрак, и Эсси окончательно влюбилась.

Она подошла к грилю, и все ее тело откликнулось, когда Хэнк наклонился ее поцеловать.

– Помощь нужна?

– Как только выложу гамбургеры на блюдо, можешь отнести их и хот-доги на стол.

– Будет исполнено. Барри, ты уже получил свой зажаренный до черноты хот-дог?

– Даже два. Двор отлично выглядит, Эсси. Вот только Джинни раскритиковала ваши клумбы.

– Ей нужно пообщаться с Терри. – Эсси указала на энергичную блондинку, бегающую за двумя маленькими близнецами. – Наша ближайшая соседка. Гениальный садовод.

– Этим летом она спасла несколько наших растений, – до-

бавил Хэнк. – Держи, красавица.

Он выложил бургеры на блюдо, добавил хот-доги.

– Отлично. Ты и сам отдохни и поешь.

– Отличная мысль. Как насчет выпить холодненького, Барри?

– Всегда готов.

Народ расхватал половину гамбургеров и хот-догов еще на ходу. Остальное Эсси поставила на стол, взяла почти опустевшую миску с картофельным салатом и пустую тарелку из-под нарезанных помидоров (из огорода Терри) и понесла их на кухню, чтобы пополнить.

В кухне Рид, опершись на стойку, пил пиво и вел серьезный диспут с десятилетним сынишкой ее нынешнего напарника.

– Нет, приятель, – говорил Рид. – Я во многом могу с тобой согласиться, но Бэтмену никогда не одолеть Железного Человека. У Железного Человека есть костюм...

Квентин – круглолицый, веснушчатый и в очках – горячо возразил:

– У Бэтмена тоже есть костюм!

– Он не умеет летать, братан.

Эсси слушала их дебаты, пока наполняла тарелку и миску.

– Я напишу рассказ, – заявил Квентин. – И ты увидишь.

Темный рыцарь круче всех.

– Напиши-напиши, я почитаю.

Довольный, Квентин убежал на улицу.

– Ты хорошо с ним общаешься, – заметила Эсси.

– С ним легко общаться. Ребенок просто умница. Хоть и не прав насчет Тони Старка.

– Кто такой Тони Старк?

– Господи, о чем с тобой говорить! – Покачав головой, Рид допил пиво и потянулся к миске, чтобы помочь ее отнести, когда в кармане Эсси завибрировал телефон.

Она достала его, прочитала сообщение, нахмурилась.

– Дерьмо.

– Ты на дежурстве?

– Нет. У меня настроено оповещение, которое уведомляет меня, если кто-нибудь из «Даун-Ист» появляется в новостях. И один есть.

– Кто? Что случилось?

– Роберта Флиск. Сегодня утром найдена мертвой на заднем дворе своего дома. В нее выстрелили трижды. Она была...

– Я помню. – Рид внимательно изучал каждый полицейский отчет, прочитал все книги и статьи о том вечере. – Ее сестра числилась первой жертвой за пределами кинотеатра. Две пули. Теперь Роберта главный активист за регулирование прав на владение оружием.

– Якобы на ее теле оставлена записка: «Вот тебе Вторая поправка, сука!» Черт.

– Кто ее нашел?

– Друзья. Говорят, они бегали вместе каждое утро, на рас-

свете.

– Каждое утро?

Двое полицейских встретились взглядами, Эсси кивнула.

– Да, распорядок. Кто-то знал ее распорядок. Или был с ней знаком, или наблюдал за ней. Не просто какой-то псих, заикленный на Второй поправке.

– Она ведь развелась, да? Выходила замуж повторно? Есть парень? Или бывший?

– Метишь в детективы?

– Ясно же, что это надо проверить прежде всего.

– Да, верно.

«Уже не новичок, – подумала она, – у Рида есть задатки умного следователя».

– Дело веду не я.

– Но ты все равно будешь держать руку на пульсе. Она там была. Мы там были. Ты не останешься в стороне.

– Тоже верно, только не сейчас. Не сегодня. – Эсси протянула ему миску, взяла тарелку. – Я свяжусь завтра с теми, кто занимается делом.

– Можешь держать меня в курсе?

Она кивнула.

– Пресса опять будет вспоминать тот день...

– Не высовывайся, делай свою работу.

– Ты будешь держать меня в курсе? – настойчиво повторил Рид.

– Да, да. Но сегодня забудь. Давай возьмем тебе еще пива.

Следующие несколько дней Рид собирал информацию о расследовании дела Флиск. Верная слову, Эсси держала товарища в курсе, даже уговорила следователей, ведущих дело, допустить его на место убийства.

Он изучил двор – старые деревья и густые кусты предлагали множество укрытий для засады.

Судя по показаниям соседей, жертва вышла через заднюю дверь. Рид пересек веранду и остановился у залитой кровью травы.

Дождались, пока она отошла подальше. Так у нее меньше шансов забежать обратно в дом, меньше шансов, что кто-нибудь из соседей станет свидетелем убийства, и вид с улицы перекрыт.

Продумано.

Три пули – две в центр тела, затем выстрел в голову.

Если фанатик воспылал бы ненавистью к женщине из-за ее взглядов на оружие, он, пожалуй, захотел бы дать ей понять, за что ее убивает.

Однако, судя по всему, к жертве никто не обращался.

Вспомнился ли ей тот момент в торговом центре, когда она увидела, как Уайтхолл поднимает дуло полуавтоматической винтовки?

Иногда Риду приходило в голову, что судьба ждет момента послать в него пулю, которая в тот вечер до него не долетела. Пуля зависла в воздухе, как в видеозаписи, поставлен-

ной на паузу, и войдет в него, едва судьба нажмет кнопку.

Нажмет ли?

Рид давно понял, что не в его власти повлиять на то, когда судьба решит нажать кнопку, и работал с целью изменить что-то к лучшему, хотя бы попытаться. Очевидно, Роберта Флиск делала то же самое.

Он представил, как она выглядела в день убийства. В ушах – наушники, на коротких светлых волосах – черная кепка с логотипом (перечеркнутая винтовка в круге). Темно-синяя майка и темно-синие беговые шорты на поджарой фигуре. Шрамы на ноге – постоянное напоминание о давнем кошмаре. Ключ от дома спрятан во внутреннем кармане на поясе. Бело-розовые кроссовки и белые носки.

В картинке перед его мысленным взором Роберта на мгновение остановилась. Шок, осознание, смирение?

«Два тихих хлопка», – подумал Рид, когда баллистики подтвердили 32-й калибр и глушитель. Оба выстрела – в центр тела.

Пятна на траве, высушенные летним солнцем, – здесь жертва упала.

Третий выстрел был направлен сверху в затылок. Затем поверх тела брошена записка.

Странная, просто неуместная. Преступление имело все элементы холодного, профессионального убийства. Записка же выдавала эмоции: гнев и безразличие.

Убийца был достаточно осторожен, чтобы собрать гиль-

зы и не оставить никаких следов, кроме пуль в теле... а затем положил записку, написанную печатными буквами, объявляя себя разгневанным защитником Второй поправки?

Подозрения с ее бывшего мужа сняли, размышлял Рид, снова подходя к месту убийства. Он поддерживал с жертвой теплые отношения, не имел оружия и даже делал ежегодные пожертвования ее организации от имени их сына. А во время убийства помогал готовить завтрак – множество свидетелей – паре десятков бойскаутов в палаточном лагере на острове Маунт-Дезерт.

У Роберты не было постоянного бойфренда, изредка она ходила на свидания, не ссорилась ни с соседями, ни с коллегами. Угрозы бывали, конечно, – исходили от того самого типа людей, которые написали бы такую записку.

Однако одно с другим не вязалось.

Или вязалось чересчур хорошо.

Вернувшись к машине, Рид вспомнил, что, когда он припарковался, двое соседей вышли спросить его, что он тут делает. Пришлось показать полицейское удостоверение. И хотя во время убийства все они либо еще спали, либо только вставали, убийца, чтобы выслеживать добычу, должен был выглядеть неприметным в этом тихом, зажиточном районе.

Когда Симона услышала об убийстве Роберты Флиск, она выключила телевизор.

Она хотела забыть.

Она сделала то, что хотела от нее Ми: сдала квартиру в

субаренду и поехала домой.

И после одной короткой недели, проведенной дома с родителями и сестрой, сбежала на остров.

Симона искренне любила своих родителей. И даже при том, что сестра раздражала ее своим совершенством – вылитая мама! – она очень любила Натали.

Просто не могла вместе с ними жить.

Сиси поселила внучку в кукольном гостевом домике, расположенном чуть выше ее художественной студии со стенами из стекла. И, в эмоциональном смысле, дала ей пространство.

Если Симона хотела проспаться полдня, Сиси не спрашивала, хорошо ли она себя чувствует. Если Симона хотела бродить среди ночи по пляжу, Сиси не ждала ее с обеспокоенным лицом. Не приподнимала бровь, узнав, что она бросила работу, и не вздыхала, глядя на цвет ее волос.

Симона старалась помогать Сиси по дому, иногда готовила еду – хотя умением стряпать похвастаться не могла. И соглашалась позировать, когда бы Сиси ее ни попросила.

В результате две недели спустя Симоне пришлось мысленно благодарить Ми. Она ощущала покой и легкость. Даже начала рисовать.

Во внутренний дворик вышла Сиси с подносом – кувшин сангрии, бокалы, миски с солью и чипсами.

– Если не хочешь отвлекаться, я отнесу это в студию и выпью все сама.

– Ни в коем случае! – Симона отступила на шаг, чтобы оглядеть морской пейзаж, над которым работала последние три часа.

– Хорошо получилось, – сказала ей Сиси.

– Да нет.

– Точно хорошо.

Пока Сиси, в шляпе с широченными полями поверх, с черной косой с белыми прядями (ее новый стиль), разливала по бокалам сангрию, Симона устроилась на патио.

Новая татуировка Сиси – кельтские символы – браслетом обвивалась вокруг ее левого запястья.

– Ты говоришь, как моя бабушка, а не как художник.

– Как и то и другое. – Сиси села, вытянула ноги в биркенштокских сандалиях, скрестила их в щиколотках. – Говорю тебе, хорошо! У тебя есть чувство движения.

– Свет не получился, и из-за этого все остальное как-то неправильно. Мне нравятся твои морские пейзажи. А портреты у тебя просто невероятные!

– Во-первых, ты – не я, и тебе следует пестовать свою индивидуальность. Во-вторых, я пишу пейзажи или натюрморты, когда мне нужно отдохнуть и расслабиться. Но в основном в такие минуты я предпочитаю просто сидеть здесь и смотреть на воду. Портреты – другое дело. Люди бесконечно увлекательны, и рисовать их интересно. Живопись – моя страсть. Но не твоя.

– Точно.

– Тебе девятнадцать. Масса времени, чтобы найти свою страсть.

– Я пробовала секс.

Сиси с улыбкой подняла бокал.

– Я тоже. Отличное хобби.

– И сделала перерыв.

– Я тоже. Ты – художник, и не спорь с бабушкой. Ты художник, талантливый и наблюдательный. Живопись – хорошая дисциплина для тебя, но это не твоя страсть и не станет главным делом твоей жизни. Экспериментируй.

– С чем экспериментировать? Папа все еще пытается уговорить меня на юридическую школу, а мама считает, что мне нужно найти хорошего и надежного парня.

– Они традиционалисты, детка, что поделать. Я – нет. И скажу тебе, что ты поступила бы глупо, если бы их послушала. Экспериментируй, пробуй. Что касается искусства, я дам тебе то, чего никто не просит: совет. Помнишь тот август, который ты провела здесь после ужаса?

Симона посмотрела на полосу пляжа, на скалы, окаймляющие его, на бесконечную гладь воды.

– Думаю, это спасло мне рассудок.

– В ту неделю, когда здесь была Ми, вы с ней много времени проводили на пляже. Вы строили замки из песка. Замки Ми были красивыми и традиционными – очень похожими на нее саму. А твои были оригинальными, фантастическими.

Симона сделала глоток сангрии.

– Предлагаешь мне строить замки из песка?

– Творить! Для начала попробуй глину, посмотри, как пойдет. В прошлом году ты ходила на базовые лекции по искусству.

– Откуда ты знаешь?

Сиси только улыбнулась.

– Я много чего знаю. И, зная, что мы будем говорить об этом, я заказала кое-какие припасы. Они в моей студии. Можешь работать там, будем пользоваться ею по очереди. Попробуй. Если не глина, то что-нибудь другое. Используй это лето, чтобы понять, в чем твоя страсть.

Глава 7

Вычеркнув Роберту Флиск из своего списка, Патрисия решила, что хватит с нее колледжа. Во-первых, он ей до смерти наскучил, а во-вторых, посещение лекций и выполнение заданий отнимают время.

Она вернулась в Рокпойнт и ловкими речами заставила бабушку и дедушку пригласить ее пожить у них. Они были в восторге от того, что милая, внимательная, заботливая внучка поселилась под их крышей. А внучка не испытывала никакого желания возвращаться в жалкую съемную халупу вечно ноющей мамыши.

Чтобы бабушка и дедушка не слишком беспокоились о ее образовании и будущем, Патрисия взяла несколько онлайн-курсов колледжа. Курсы также служили прикрытием для исследований по созданию поддельных удостоверений личности и кредитных карт.

В ее распоряжении было целое крыло величественного старого особняка, «БМВ» и достаточно навыков, чтобы потихоньку снимать деньги с дедушкиных счетов.

Патрисия смеялась в ответ на их шутки, помогала по дому, возила бабушку к парикмахеру и делала вообще все, чтобы стать для них незаменимой. Невнятные разговоры о поисках работы быстро сошли на нет.

В то же время она покупала продукты для матери, наве-

щала ее, договорилась об уборке снега с подъездной дорожкой.

Вела себя тихо и скромно.

Она вела себя тихо и скромно в течение двух лет, дожидаясь возможности убить свою мать.

Достойная награда за терпение и усердие в роли преданной дочери и внучки.

Все знали, что Марсия Хобарт – женщина слабая. Она так и не избавилась от чувства вины за поступок сына и от горя после его смерти. Даже обратившись к Богу, Марсия выбрала для себя Его самые суровые формы наказания и проводила жизнь в страданиях и тяготах.

Единственным светом в ее личной тьме была дочь. Раз она родила такого доброго и милосердного ребенка, ребенка с ясным умом и примерным поведением, то это, конечно, отчасти компенсирует ее вину за рождение монстра.

И все же она любила этого монстра.

Патрисия использовала любовь Марсии к сыну в течение всех пяти лет, прошедших с момента событий в торговом центре «Даун-Ист». Она следила за тем, чтобы на глаза матери попадались статьи о перестрелке, злобные письма, осуждающие Марсию как ее виновника, и письма с угрозами. Некоторые письма Патрисия сама отправляла по почте, другие подбрасывала на порог дома или просовывала под дверь. Ночью накануне ее отъезда в университет она бросила в окно гостиной камень, завернутый в особенно злобное письмо,

после чего прибежала обратно и с криком спряталась за диваном.

Получив анонимную наводку, Марсию повсюду преследовала Селина Макмаллен – и дома, и на работе. Прячась от мира, Марсия переехала подальше, в очередную жалкую халупу. Она не могла заснуть без снотворного и принимала антидепрессанты, чтобы сдерживать постоянную тревожность.

Патрисия делилась с дедушкой и бабушкой своими опасениями за мать. Мать иногда путала таблетки или по забывчивости принимала двойную дозу. А бабушка и дедушка, которые перестали общаться с Марсией, когда она развелась с их непутевым сыном, окружили Патрисию заботой и сочувствием.

Патрисия установила скрытые камеры в доме матери и порой звонила с неотслеживаемого телефона, чтобы пробудить мать от сна под «ксанаксом» и прошептать в трубку имя брата.

Навещая мать, она подбрасывала еще парочку измельченных таблеток в суп, сваренный для нее заботливой дочерью, затем включала старые домашние видеозаписи, на которых Джей-Джей был еще маленьким. А потом со слезами на глазах рассказывала бабушке и дедушке, как застала мать в ступоре на диване перед экраном с этим видео.

Патрисия создавала имидж встревоженной любящей дочери – сиделки при матери, отупевшей от таблеток и чувства вины. Даже посещая группы поддержки для наркоманов, она

слушала их разговоры, чтобы находить новые способы запугать мать.

В ночь накануне дня рождения брата Патрисия проскользнула в дом и испекла его любимый шоколадный торт. Специально оставила ингредиенты разбросанными по столу, испачканные миску и форму – в раковине.

И выключила сигнальную лампочку на плите.

Разбудив одурманенную наркотиками мать, повела ее на кухню, где пахло шоколадом и выпечкой.

– Темно, – пробормотала Марсия. – Который час?

– Время для торта! Ты испекла замечательный торт.

– Я испекла? Не помню.

– Любимый шоколадный торт Джей-Джея. Он хочет, чтобы ты зажгла свечи, мама.

Глаза Марсии заметались по комнате.

– Он здесь?

– Скоро будет. Включи телевизор. Вот пульт.

Марсия послушно взяла пульт. Патрисия, направляя ее пальцы, нажала кнопку воспроизведения. С экрана на них смотрел смеющийся Джей-Джей.

– Зажги свечи, мама. Для Джей-Джея.

– Мой славный маленький мальчик... – Глаза Марсии наполнились слезами. Она взяла длинную бутановую зажигалку, зажгла свечи. – Он не хотел быть плохим. Посмотри, как он счастлив. Почему он перестал быть счастливым?

– Тебе нужно принять таблетки. Джей-Джей хочет, чтобы

ты приняла таблетки. Вот они. Тебе нужно принять таблетки.

– Я уже приняла. Или нет? Я очень устала... Где Джей-Джей? На улице темно. Маленьким мальчикам не следует гулять в темноте.

– Он сейчас придет. Тебе нужно принять таблетки в честь дня рождения Джей-Джея. Я думаю, по одной на каждую свечу.

– Шесть свечей, шесть таблеток. Моему мальчику шесть. Глядя на экран телевизора, Марсия приняла шесть таблеток, одну за другой, запив вином, которое Патрисия поставила перед ней.

– Вот и хорошо, замечательно. Джей-Джею нужно больше света. Ему нужно больше света, чтобы найти дорогу домой. Я думаю, он заблудился!

– Где мой маленький мальчик?.. Джей-Джей!

– Нужно зажечь шторы. Когда брызгаешь на них жидкостью для зажигалок, они излучают очень яркий свет. Он это увидит и вернется домой.

Марсия взяла банку с жидкостью. На мгновение Патрисии показалось, что в глазах матери проявилось осознание. Может, даже облегчение. Марсия полила шторы жидкостью, подожгла их.

– Смотри, как ярко!.. Мам, тебе нужно включить духовку.

– Я испекла торт?

– Как всегда. – Взяв Марсию за руку, Патрисия повела ее

к духовке. – Включи духовку.

И направила руку матери к ручке.

– Я такая сонная. Мне нужно поспать.

– Сперва включи духовку, а потом вздремнешь.

– И Джей-Джей придет?

– О, ты скоро с ним встретишься. Включи духовку, вот так. Теперь можешь прилечь на диван.

Когда мать рухнула на диван, Патрисия второй зажигалкой, которую она заберет с собой, подожгла шторы в гостиной. На пороге она обернулась и посмотрела на вялое лицо матери.

– Спой «С днем рождения, Джей-Джей», мама.

С закрытыми глазами, едва шевеля языком, Марсия попыталась запеть.

К тому времени, когда газ сделал свое дело и, встретившись с пламенем, взорвался, Патрисия уже лежала в своей постели в доме бабушки и дедушки.

И спала как младенец.

Телефон на тумбочке Рида подал сигнал о пришедшем сообщении. Он свесился с кровати, поднял его, прищурился.

– А, черт...

– Работа? – Элоиза Мазерсон пошевелилась рядом с ним.

– Да. – Не совсем работа; но нельзя игнорировать оповещения Эсси об инцидентах, связанных с торговым центром «Даун-Ист». – Прости.

– Да ладно... – Она снова пошевелилась. – Мне уйти?

– Нет, спи. Я попозже тебе напишу.

Он легонько хлопнул ее по попке и встал с кровати.

Дружеские отношения – с сексом время от времени – устраивали их обоих. Ничего серьезного, так как в приоритете всегда оставалась дружба.

Не зажигая света, Рид нащупал в темноте одежду и быстро принял душ, продолжая думать о Марсии Хобарт.

Он собрал на нее досье и позже освежит информацию в памяти, однако и без досье помнил, что она была в разводе с мужем, когда ее сын расстрелял людей в кинотеатре торгового центра. Джей-Джей Хобарт жил с отцом, его младшая сестра – с матерью. Она уборщица, дважды после тех событий меняла место жительства.

В полученном сообщении говорилось, что пожарные борются с огнем, охватившим ее нынешний дом. В доме обнаружили одно тело.

Рид взял пистолет, схватил ключи и, достав из холодильника бутылку «Маунтин Дью», отпил несколько глотков. Затем сбежал вниз по ступенькам двух лестничных пролетов к машине, припаркованной на заросшем сорняками гравии.

Это был все тот же старый «Додж-Неон», который подарили ему родители к окончанию средней школы. Машина была дрянная – как и съемная квартира.

Рид решил последовать примеру Эсси и экономить каждый цент на первый взнос за свой собственный дом.

Как оказалось, до Марсии Хобарт ехать всего пять минут.

Минуты через две он услышал сирены и вскоре припарковался у патрульных машин. Один из копов, устанавливавших ограждение, был ему знаком.

– Привет, Бушнер.

– Квотермейн!.. Был по соседству?

– Недалеко. Что известно?

– В «девять-один-один» сообщили о взрыве и пожаре. От дома одни головешки остались. Пострадали и соседи с восточной стороны, но там все успели выбежать.

– Не возражаешь, если я пройду?

– Да пожалуйста.

На фоне огня выделялись темные силуэты пожарных в полном снаряжении. Сквозь дым и пепел пробивались струи воды. Местные жители сгрудились неподалеку, обнимая детей или друг друга. Некоторые плакали. Слышался отрывистый лай приказов, треск радио.

Бушнер был прав. Дом, в котором жила Марсия Хобарт, сторел до головешек. Рид смотрел, как падают стены, взметая искры в дымную темноту. Пожарные шланги атаквали пламя, ползущее по стене дома с восточной стороны, другие – поливали стены дома с запада, чтобы не допустить распространения огня.

Лужайки перед всеми тремя домами превратились в черное болото из мокрого пепла и грязи.

Отдельно стояла молодая пара – женщина с младенцем на

руках и мужчина с рыжим лабрадором, лежавшим у его ног. Женщина смотрела на дом на восточной стороне, и по ее лицу текли слезы.

Рид подошел к ним.

– Это ваш дом?

Мужчина, по оценке Рида, лет двадцати, с растрепанной копной светлых волос, кивнул и обнял женщину.

– Да, который горит. Наш дом горит.

– Его потушат. И вы успели выйти. Вы успели спастись.

– Мы въехали всего две недели назад. Еще даже не закончили распаковываться.

– Будут кое-какие повреждения, но ничего такого, что нельзя было бы починить.

Женщина всхлипнула и уткнулась лицом в плечо мужа.

– Наш дом, Роб...

– Ничего, Хлоя. Мы все отремонтируем.

– Не могли бы вы рассказать мне, что случилось? Простите... – Рид достал и показал им свое удостоверение. – Я не из любопытства спрашиваю.

Хлоя вытерла слезы.

– Боже... Кастер, наш пес, залаял и разбудил ребенка. Я так разозлилась, чуть не побила Кастера. Дочка не спит всю ночь, и я кормила ее около двух. А в три Кастер залаял, и дочка заплакала.

– Я расскажу дальше, – вмешался Роб. – Я встал, кричал на него... – Роб наклонился и погладил лабрадора, при-

льнувшего к его ногам. – Но он не уходил. Я выглянул в окно. И сначала не понял. Я увидел свет... потом взглянул на соседний дом. И увидел огонь. Я увидел огонь в окнах соседнего дома.

– Роб крикнул мне, чтобы я встала и собрала ребенка. Я схватила Одру, а Роб взял телефон и позвонил в «девять-один-один», пока мы выбегали из спальни.

– Там что-то взорвалось. – В глазах Роба отражались отблески пламени. – Стекло в окне нашей спальни разбилось.

– Стекло. Если бы не Кастер... Полетели осколки. Кровать Одры стоит прямо у окна. Если бы Кастер не залаял и не разбудил бы нас, то осколки...

– Хороший пес.

– Мы ничего не взяли, – продолжала Хлоя. – Сразу выбежали, и Роб позвонил в «девять-один-один».

– Вы правильно поступили. Вывели свою семью. Это самое важное. – Рид посмотрел на их дом. – Все, пожар потушен.

– О Боже. Он не сгорел. Роб, он все-таки не сгорел.

– Вы его отремонтируете, и, держу пари, он станет лучше, чем был. Слушайте, если вам что-нибудь понадобится – еда, одежда, помощники... – Рид достал из кармана визитную карточку. – Моя мать работает в благотворительных организациях, поэтому знает много таких людей. Я могу вас с ними связать.

– Спасибо. – Хлоя смахнула еще одну слезинку. Роб сунул

его карточку в карман. – Вы не знаете, когда нам позволят вернуться? Зайти в дом?

– Пожарные должны убедиться, что там безопасно. Пойду посмотрю, сумею ли я что-нибудь выяснить, может, кто-нибудь из них поговорит с вами.

Он подошел к одной из машин, где заметил покрытого потом и сажей Майкла Фостера.

– Майкл!

– Рид! Что ты тут делаешь?

– Это был дом матери Джей-Джея Хобарта.

Покрытое копотью лицо Майкла застыло. Он прищурил глаза.

– Ты уверен?

– Да.

– Черт побери. – Майкл резко втянул носом воздух. – Вот же черт побери. Хобарт. Опять.

– Знаю, дружище. Слушай, у тебя есть немного времени?

– Не сейчас.

– Видишь ту пару с ребенком и собакой? Это их дом – тот, который вы только что спасли. Может кто-нибудь из ваших с ними поговорить?

– Да, я пришлю кого-нибудь. А мать Хобарта... она жила одна?

– Насколько я знаю.

– Тогда от нее мало что осталось.

Рид решил, что не помешает поговорить с некоторыми из

соседей, которые все еще стояли на улице, на лужайках перед своими домами, или сидели на открытых верандах.

По разговорам с ними у него сложилось впечатление, что Марсия Хобарт не просто мало общалась, она фактически изолировала себя от людей. И, по-видимому, соседи не знали о ее родстве с организатором массового убийства в торговом центре «Даун-Ист».

– Эй, парень!

Обернувшись, Рид увидел старуху в скрипучей качалке на такой же скрипучей веранде.

– Да, мэм?

– Ты репортер, что ли?

– Нет, мэм, я офицер полиции.

– Не очень-то ты похож на полицейского... Иди сюда.

Ее лицо напоминало большую изюмину – сморщенное, золотисто-коричневое – под белоснежным комом волос. На кончике носа сидели очки, сквозь которые она внимательно оглядела Рида с головы до ног.

– Красивый мальчик. Ты из каких полицейских?

– Офицер Рид Квотермейн, мэм.

– Я не об этом спрашиваю.

– Смею надеяться, что из хороших.

– Ну, не все они такие... Ладно, может, ты и правду говоришь. Сядь-ка вот сюда, а то у меня шея затекла смотреть на тебя снизу-вверх.

Он сел на такой же скрипучий стул рядом с ней.

– Если ты полицейский, то должен знать, кто та женщина, которая погибла сегодня в том доме.

Старуха поправила очки на носу и посмотрела в сторону тлеющих завалов на улице. Рид молчал.

– Похоже, ты не из глупых полицейских, раз умеешь держать язык за зубами и ждешь, когда я выложу, что мне известно. У той бедной женщины был сын, который убил много людей. В «Даун-Ист».

– Могу я спросить, откуда вы это знаете?

– Слежу за тем, что творится вокруг. У меня сохранились вырезки из старых газет, и в некоторых есть ее фотографии. Хотя с тех пор бедняжка здорово постарела, я все же ее узнала.

– Вы говорили об этом с ней или с кем-нибудь еще?

– Зачем? – Печально покачав головой, она снова посмотрела на Рида. – Она просто пыталась прожить свою жизнь. У меня был сын с дурным нравом. Насколько мне известно, он никого не убивал, но все равно он дурной. У меня есть еще один сын и дочь, которыми я очень горжусь. Я всех их воспитывала, как могла, а один сын – дурной... Грустная она была женщина, боязливая.

– Вы с ней дружили?

– Она ни с кем не дружила. Сидела в своей норке, ходила на работу, возвращалась и запиралась дома.

– Ее кто-нибудь навещал?

– Только дочь. Приходила иногда, оставалась ненадолго.

Каждые пару недель приносила продукты. В прошлый День матери я видела, как она принесла цветы. Выполняла свой дочерний долг.

Патрисия Хобарт, вспомнил Рид. Младшая сестра Джей-Джея.

– Вы когда-нибудь говорили с дочерью?

– Раз или два. Вежливая, но немногословная. Спросила меня, не найдется ли в округе мальчик, готовый косить траву, убирать снег и тому подобное. Я посоветовала ей поговорить с Дженни Молар, вон там живет, через два дома отсюда. Дженни хорошая девочка, помогает мне, когда нужно, и надежнее большинства мальчишек. По словам Дженни, дочь заплатила ей столько, сколько она запросила, и просила не беспокоить ее мать. Вроде как та болеет и стесняется этого. Так что дочь помогла матери, ни больше ни меньше.

Рид уловил подтекст.

– Ни больше?

– Ну, у меня высокие стандарты. – Старуха улыбнулась, затем вновь посмотрела на улицу. – Жалко дом. Не бог весть что, но мог бы быть лучше, если бы за ним ухаживали. Владелец – человек никудышный. Сдавал дом в аренду тем, кто не станет докучать ему с ремонтом. Думаю, получит свою страховку и сразу же продаст участок.

Пока Рид обдумывал ее слова, она изучала его лицо.

– Мой внук – полицейский. Офицер Кертис А. Слоуп.

– Шутите? Да ладно! Я знаю Слоупи!

Она опустила очки.

– Неужели?

– Так точно, мэм. Вместе учились в академии, одновременно стали новичками в полиции. Хороший парень.

– Он старается. Если будешь говорить с ним раньше меня, скажи, что встретил его бабушку. – Она протянула руку, миниатюрную, как у куклы. – Миссис Летиция Джонсон.

– Конечно, скажу. Рад с вами познакомиться, миссис Джонсон.

– Ну, ступай. И будь хорошим полицейским, юный красивый Рид Квотермейн! Может, как-нибудь навестишь меня.

– Да, мэм.

Он оставил ее покачиваться в кресле и пошел искать Майкла. Тот разговаривал с Эсси.

– Твое дело? – спросил ее Рид.

– Теперь да. – Положив руки на бедра, Эсси изучала обломки и развалины. – Следователь по поджогам уже тут, так что посмотрим. Официальная идентификация тела займет много времени.

– Я слышал, владелец не заморачивался ремонтом и обслуживанием дома.

Эсси искоса взглянула на него.

– Слышал?..

– От миссис Летиции Джонсон. Ее внук – коп. Я знаю его, хороший парень. Старушка сидит на веранде через улицу. Думаю, ты захочешь с ней поговорить. Хлоя и Роб из сосед-

него дома проснулись от лая своей собаки около трех часов ночи. Роб встал, потому что лай разбудил ребенка в люльке рядом с их кроватью. Он увидел пожар, разбудил жену и позвонил в «девять-один-один», пока они уходили. Затем раздался взрыв, в их спальне разбились окна.

Эсси приподняла брови.

– Ты зря времени тут не терял.

– Ну, раз уж я все равно был здесь... Марсия Хобарт жила одна, ни с кем не общалась, никто не посещал ее, кроме дочери. Дочь приходила изредка, раз в пару недель приносила продукты, наняла местную девушку косить траву и зимой убирать снег.

– Нацелился на золотой значок, офицер Квотермейн?

Рид улыбнулся.

– Может, в следующем году. – Он повернулся к Майклу: – Как думаешь, поджог?

– Не могу сказать. Похоже, было два очага возгорания – кухня и гостиная, и, я думаю, началось со штор. Вряд ли произошла утечка газа, скорее всего, газ из духовки. На самом деле взрыв был достаточно локальным, это поможет следователям определить причину.

– Мой напарник опрашивает соседей. А я, пожалуй, пойду и поболтаю с миссис Джонсон. Офицер Квотермейн?

– Да, детектив Макви.

– Я обращусь с просьбой, чтобы вас назначили на расследование этого дела.

– Круто!

– Начиная с опроса местных жителей. Все фиксируй.

Симона сдалась под мягким, но непрестанным давлением семьи. Период свободного парения закончился, сказали ей родители, пришло время взрослеть. Диплом по бизнес-менеджменту позволит ей сосредоточить усилия в правильном направлении, откроет нужные двери и построит ее будущее.

Она старалась. В следующем семестре она старалась так усердно, что даже Ми посоветовала ей отдохнуть, сделать перерыв.

Годовые оценки Симоны порадовали родителей, а лето она провела, работая помощницей главного бухгалтера в конторе своего отца.

К августу ее замучили головные боли, она похудела на пять килограммов и заполнила гардероб деловыми костюмами, которые ненавидела всей душой.

Вечером перед отъездом в Нью-Йорк Симона поговорила с родителями и Натали.

– Не могу поверить, что обе наши девочки отправляются в колледж, – начала Тюлип. – Что мы будем делать, Уорд, в опустевшем гнезде? Натали едет в Гарвард, Симона – в Колумбийский.

– Я не вернусь в Колумбийский.

– Мы так... Что?

Симона сжала задрожавшие руки.

– Я возвращаюсь в Нью-Йорк, но не вернусь в колледж.

– Конечно, вернешься. Ты блестяще окончила третий год.

– И ненавидела каждую минуту обучения. Я ненавидела работу в юридической конторе этим летом. Я не могу продолжать заниматься тем, что я ненавижу.

– Впервые об этом слышу. – Уорд встал и пересек комнату, чтобы налить себе выпить. – О тебе были прекрасные отзывы. Так же, как и о Натали на ее стажировке. Мы не бросаем дело на полпути, Симона, и не воспринимаем наши достижения как должное. Ты меня разочаровываешь.

Ей было больно это слышать. И все же она была готова.

– Понимаю. И, возможно, я всегда буду тебя разочаровывать. Но я отдала тебе год своей жизни. Я делала все, что вы от меня хотели. И больше не могу.

– Зачем тебе нужно все портить? – выпалила Натали.

Симона повернулась к сестре.

– Что я порчу тебе? Ты занимаешься тем, что тебе нравится, в чем ты хороша. Продолжай, совершенствуйся. Будь идеальной белой овечкой.

– Твоя сестра понимает, что нужно строить фундамент, нужно ставить цели и что у нее есть родители, которые дали ей основу и поддерживают ее цели.

– Потому ее цели такие же, как ваши, – сказала Симона матери. – А мои – нет.

– С каких пор у тебя есть цели? – пробормотала Натали.

– Я возвращаюсь в Нью-Йорк и собираюсь брать уроки

рисования...

– О, бога ради! – Тюлип всплеснула руками. – Я так боялась влияния Сиси!

– Я даже не говорила с ней об этом. Пока я пыталась радовать вас, я разочаровала ее. Но она ни разу не упрекнула меня в этом, ни разу. Вот в чем разница. Она никогда не пыталась засунуть меня в футляр, в который я не помещаюсь. Я буду брать уроки рисования, я хочу узнать, есть ли у меня талант. Я хочу выяснить, способна ли я на что-то большее.

– И как ты планируешь себя содержать? – потребовал ответа Уорд. – Намерена бросить учебу и ожидаешь, что мы за это заплатим?

– Я буду работать.

– В кофейне? – насмешливо спросила Натали.

– Да, если придется.

– Совершенно ясно, что ты ничего как следует не обдумала.

– Мама, я уже несколько недель не думаю ни о чем другом! Посмотри на меня. Пожалуйста, посмотри на меня. Я не могу спать. Не могу есть. Мой шкаф полон одежды, которую ты для меня выбрала. Вся моя жизнь этим летом вращалась вокруг сына вашего друга, которого вы для меня выбрали. Одежда мне не подходит, а сын вашего друга наскучил мне до смерти. Но я носила вашу одежду, я ходила на свидания с сыном вашего друга, а потом ночами лежала без сна и в голове у меня стучало. Три раза в неделю я посещаю доктора

Мэттиса и оплачиваю его из собственных сбережений, чтобы вы не знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.